

ЕЛЕНА ЕГОРОВА

*«Притот
задумчивых
дриада»*

ПУШКИНСКИЕ УСАДЬБЫ И ПАРКИ

Елена Николаевна Егорова
«Приют задумчивых дриад».
Пушкинские усадьбы и парки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6544143

*«Приют задумчивых дриад». Пушкинские усадьбы и парки. / Егорова Е.Н.: Информационный центр;
Москва, 2006
ISBN 5-900999-25-4*

Аннотация

Новая книга Елены Егоровой развивает наиболее интересные темы, затронутые в ранее вышедших изданиях «Я вас любил...» Пушкин в доме Олениных» (1999) и «Очарование пушкинских мест» (2003), посвящённых жизни и творчеству великого русского поэта.

Стихотворения, воспевающие усадьбы и парки, города и веси, освящённые именем великого поэта, составляют поэтический цикл «Пушкинские места». Стихи родились после посещения автором Захарова и Вязём, Болдина и Михайловского, Бернова и Торжка, Приютина и Остафьева, прогулок по Москве, Петербургу и пригородам Северной столицы. Продолжением темы стала поэтическая антология «Пушкинские усадьбы и парки в стихах русских поэтов конца XVIII – начала XX века» и очерк «Домашний театр в Приютине». Тексты проиллюстрированы фотографиями автора.

На основе докладов, сделанных автором на пушкинских конференциях, подготовлены очерки о флористической символике в поэзии Пушкина, об истории создания стихотворений «Я вас любил...» и «Я помню чудное мгновенье...» и их вдохновительницах, о неформальном сватовстве великого поэта к Анне Алексеевне Олениной. Занимательная форма изложения сочетается с научной достоверностью, подкреплённой комментариями и ссылками на первоисточники.

Книга дополнена именным указателем с краткими сведениями о родственниках, друзьях и знакомых Пушкина, упоминаемых в тексте, и указателем произведений А.С. Пушкина.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Посвящение Пушкину	4
Пушкинские места	6
Захарово	6
Вязёмы	8
Весна в Остафьеве	11
Архангельское. Осенняя соната	13
Вечерняя Москва	14
Петербург	15
Осень в Летнем саду	17
Александровский парк в Царском Селе	19
Екатерининский парк в Царском Селе	20
Видения в Павловске	22
Приютино	26
Петергофские фонтаны	27
Воспоминание о Болдине	29
Берново	31
Псковские древности	33
Зимний вечер в Михайловском	36
Пушкинские усадьбы и парки в стихах русских поэтов конца XVIII – начала XX века	37
Захарово	38
Вязёмы	39
Царское Село	41
«Царскосельская статуя»	49
Приютино	55
Михайловское, Тригорское и Петровское	60
Берново и соседние усадьбы	71
Архангельское	76
Петровский парк в Москве	78
Нескучный сад и Пресня	81
Остафьево	84
Болдино	87
Библиография	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Елена Николаевна Егорова «Приют задумчивых дриад». Пушкинские усадьбы и парки

Посвящение Пушкину

*Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.*

А.С. Пушкин. «Поэт»

Поэт в минуты вдохновенья —
Посланец мира неземного,
Божественные откровенья
Он претворяет в силу слова.

И «сквозь магический кристалл»
Он окружающее видит.

Затворены его уста,
Из них ни звука не изыдет,

Доколе образов игра
Стихами вдруг не изольётся.
Всё сердце – в кончике пера —
Страдает, плачет и смеётся.

Все чувства, мысли все, весь разум
Обострены в миг вдохновенья.
Стихи суть не простые фразы —
Души воскресшей песнопенья.

Захарово. Дом М.А. Ганнибал. Восстановлен в 1999 году

Пушкинские места Стихотворный цикл

Захарово

Захарово, Захарово —
Поэта колыбель.
Под сенью парка старого
Пруда блестит купель.

Лесок, луга медвяные,
Крестьянские дома...
Местечко, Богом данное
Для сердца и ума!

Усадьба над речушкою —
Исток душевных сил
Для маленького Пушкина.
Он рано полюбил

Обычаи народные
И сказки перед сном.
Порывы благородные
Здесь пробуждались в нём.

Здесь отрока с кудрявою
Вихрастой головой,
Увенчанного славою
Поэзии живой,

Деревья помнят старые
И вольные поля.
Захарово, Захарово —
Священная земля.

Пристанище желанное
Лирической любви,
Местечко, Богом данное!
Мне чувства оживи,

Чтоб рифмами стозвонными
Прялась стихов кудель...
Захарово — исконная
Поэта колыбель.

Захарово. Старый пруд

Вязёмы

Летят по быстрой магистрали
Одна машина за одной...
А метрах в ста иль чуть подале
Мир открывается иной.

Шумит листва у водной кромки,
Где сонмы радужных колец
Танцуют вальсы. Над Вязёмкой
Стоит изысканный дворец.

Струится запах разнотравья.
Ведёт тропинка к флигелям.
Увенчан строгим семиглавьем
Святой Преображенский храм.

Внутри из оконниц узких, длинных
На фрески льётся яркий свет,
На буквы надписей старинных
На польском – русской Смуты след.

Аркада звонницы белеет,
И будто слышен перезвон.
В старинном парке по аллее
Гуляет ветер в гуще крон.

В тени – церковная ограда,
За нею – памятник простой.
Там Пушкин над могилой брата
Николеньки скорбел душой.

Под сенью лип щебечут птицы,
В лучах рой мошек мельтешит...
Построил Николай Голицын
Усадьбу эту для души,

Сады разбил, вёл сенокосы,
Благоустраивал село...
Событий много судьбоносных
Здесь за века произошло:

Гостил однажды Павел Первый,
В войну Кутузов побывал,
Наполеон походкой нервной
Входил в большой каминный зал.

Назад истории страницу
Перевернём. В тиши ночной
Красавец князь Борис Голицын
Сидел, склонившись пред свечой.

Статьи, идиллии, эклоги
Он по – французски сочинял.
Шёл утром к церкви. По дороге
Порою Пушкиных встречал

И в гости приглашал учтиво.
Забыв о мире за стеной,
Кудрявый отрок шаловливый
Благоговел пред красотой

И мудростью в библиотеках,
Потом резвился у пруда...
Ужель с тех пор прошло два века,
А здесь всё так же, как тогда?!

И в элегические дали
Глядел отсюда наш поэт?!
Лирические магистрали
Протянуты сквозь толщу лет

К приюту славного былого,
Жемчужине Больших Вязём.
И, как в эпоху Годунова,
Звон благовестит над холмом

С прекрасным новые нам встречи,
Зовёт в дворец и дивный сад,
Где поэтические свечи
Неугасимые горят.

Остафьево. Вид на дворец и пруд

Весна в Остафьеве

Плывёт в саду старинном, вновь расцветшем,
Слегка пьянящий тонкий аромат.
Листвой нежно – зелёной о прошедшем
Здесь липы величавые шумят.

В весеннем упоительном чаду
Не умолкает птичье песнопенье.
Колышется в остафьевском пруду
Белеющего храма отражение...

Здесь Вяземских именье родовое.
Дворец, дубы, округлый плоский луг
Хранят воспоминание живое
Их бытия, деяний и заслуг.

Аллеями Пётр Вяземский гулял
И наслаждался видами когда – то,
Сентиментальным слогом воспевал
Свои благословенные пенаты.

Здесь Александр Пушкин по поместью,
По рощам, что цветами поросли,
Бродил с мечтою о своей невесте —
Божественно прекрасной Натали.

В тени берёз великий Карамзин,
Душой в историю Руси погружен,
На тихом берегу сидел один:
Ему для творчества покой был нужен.

Жуковский, Батюшков, Василий Пушкин
С ним о седых веках родной земли
В овальном зале, в парке, на опушке
Беседы оживлённые вели...

Забвенья нет далёким тем годам.
Хозяева усадьбы постарели.
Их внучка Катерина сад и храм
Писала вдохновенно акварелью.

Дорожки в осыпающемся цвете,
Фамильные портреты над столом
И вещи в карамзинском кабинете —
Всё здесь ей говорило о былом.

Именье выкупил супруг её,
Историк увлечённый Шереметев.
Они создали во дворце своём
Музей. Столетье Пушкина отметив,

Чьи посещения помнит край московский,
Открыли памятники средь аллей:
И Карамзин, и Пушкин, и Жуковский,
И Вяземские под шатром ветвей

Стоят поныне. Тонкий аромат
Плывёт в саду старинном, вновь расцветшем,
И липы величавые шумят
Листвой нежно – зелёной о прошедшем...

Архангельское. Памятник А.С. Пушкину

Архангельское. Осенняя соната

Архангельское. Шелест листопада.
Изысканность дворцового фасада.
Классически прекрасные скульптуры:
Богини, нимфы, ангелы, амурь...
Гуденье ветра в линиях аллей.
Осыпанный листвою мавзолей.
В старинной церкви тусклые лампы.
Литое полукружье Колоннады.
Опята поздние на пне под тонкой липкой.
Бюст Пушкина с молодой полуулыбкой
(Бывал он у Юсупова в гостях).
Игра лучей в рябиновых кистях.
Прохлада полудикого оврага.
Брег пруда, напоенный темной влагой.
Влюбленных пар восторженные вздохи.
Декоры ностальгической эпохи...
Здесь понимаешь: век текущий – миг
В бескрайней череде веков иных.

Вечерняя Москва

Москва вечерняя всё краше и светлее,
Всё многоцветнее её огни.
Мосты, бульвары, улицы, аллеи
Увили ярким кружевом они.
Мелькают за окном автомобиля
Гирлянды золотистых фонарей.
Как будто на помпезной Пикадилли,
Плывём в потоке радужных лучей.
И Пушкин озирает с постамента,
Слегка склонив курчавую главу,
Тверской блестящую живую ленту,
Не узнавая древнюю Москву.
Расцвечены фасады, окна, крыши
Каскадами мигающих реклам,
Как в Риме, Будапеште иль Париже.
Летят огни Москвы навстречу нам...

Но вдруг прожектор высветил неожиданно
Старинной церкви чёткий силуэт,
Такой певучий, милый и желанный.
Его роднее сердцу в мире нет.
Москва – река, волнуясь, отражает
Кокошников узорных дивный ряд.
По набережной шумной проезжает
Автомобиль. Здесь восхищённый взгляд
Притягивает Кремль. Он величаво
Сияет средь темнеющих небес —
России символ, славный страж державы!
Нет, русский дух в столице не исчез!
И взорам россиян ещё милее
Её святынь ансамбли. В наши дни
Москва вечерняя всё краше и светлее,
Всё многоцветнее её огни.

Петербург

С зарёй в Петербург прибывая
На шумный Московский вокзал,
Увидеть спешу из трамвая
Проспекты, где Пушкин бывал.

Ступаю легко по приезде
На влажный гранит берегов,
Любуюсь прекрасным созвездьем
Шедевров великих творцов,

На волны гляжу. Раздвигая
Завесы ушедших веков,
Люблю представлять, как другая
Шла жизнь за стенами дворцов...

Там ярко поэты блистали,
Шумели большие балы.
Там Пушкин являлся с Натальей,
Стараясь быть выше хулы

Петербург. Зимний дворец

Петербург. Мариинский театр

И мнений надменного света...
Безжалостно время течёт,
Но души не канули в Лету,
И Пушкин на Мойке – живёт!

Растрелли – в дворцах без сомненья,
Петра приютил Летний сад...
Нетленное их вдохновенье
Доселе хранит Петроград.

Люблю перспектив его стройность,
Имперских соборов главы,
Старинных строений спокойность,
Волненье могучей Невы,

На шпилях блистание алых
Последних закатных лучей.
Люблю затаённость каналов
В прозрачности белых ночей,

Затихшие парки и скверы,
Абрисы ростральных колонн
И тонкую зыбь атмосферы
Духовности прежних времён.

Осень в Летнем саду

Рдеют клёны,
Опалёны
Уходящим сентябрём.
Пруд глубокий,
Темноокий
Отливает серебром.

В день прохладный,
Безотрадный
Свет листвы ласкает взгляд.
И созвучий
Полн певучих
Предвечерний Летний сад.

На аллеях
Тихо млеют
Статуи античных нимф.
В танце чинном
Кринолинном
Листья падают среди них.

Чуть печальный
Вальс прощальный
Флейта нежная поёт,
И мгновенья
Вдохновенья
Дарит осени полёт.

Петербург. Летний сад

Царское Село. Александровский парк

Александровский парк в Царском Селе

Бабье лето. Царские дубравы
Пышным фейерверком величавым
Множатся в таинственных глубинах
Вод озёрных сизо – голубиных.
Струги листьев золотисто – алых
Проплывают по лучам каналов,
И аллея янтарных анфилады
Слушают восторженно рулады,
Что поёт императрица – осень.
Ветер смолк в зелёных кронах сосен,
Воцарилась тихая прохлада
В рощах Александровского сада.
Здесь в красе осенней быстротечной
Прозреваю Божий образ вечный.

Екатерининский парк. Вид на Чесменскую колонну

Екатерининский парк в Царском Селе

О Царскосельский сад прелестный!
Как много лет тому назад,
Твоих ландшафтов мир чудесный
Пленяет восхищённый взгляд.

Век восемнадцатый «галантный»
Здесь гениально воплощён
В дворцах старинных элегантных,
Параде статуй и колонн.

Они блистательны, но всё же
Для сердца русского милей
И праздной роскоши дороже
Уединение аллей,

Каналы, мостики, беседки,
Лазурь зеркальная озёр...
В тиши бродить любили предки.
Теней затейливый узор

Всё так же вьётся по дорожкам,
Журчит жемчужный водопад...
Мне кажется, ещё немножко —
И время потечёт назад...

С друзьями часто Пушкин юный
Гулял вдоль берега сего,
И лиры трепетные струны
В душе звучали у него.

Он упивался в грёзах сладких
Любовью первою своей,
А музы с ним играли в прятки
Среди раскидистых ветвей.

Взрос непревзойдённый гений
В обители прекрасной сей,
И люди многих поколений
В сад Царскосельский и Лицей

Приходят, словно на свиданье
К поэту. Здесь стихи его
Струились вольно. Ожиданья
Парк не обманет ничьего,

Коль не спеша, несуетливо
Идти лирической тропой
И в изумлении счастливом
Коснуться прошлого душой.

Екатерининский парк. Вид на Грот и Камеронову галерею

Видения в Павловске

Струи лирической Славянки
На ярком солнце золотятся.
Колонны, рощицы, полянки
Как будто сходят с декораций.

Театр природы и искусства
Даёт свои здесь представления,
И оживают снова чувства
В чреде волнующих видений.

Белеет храм в сени дубравы
Сквозь ожерелья веток гибких,
Дворец старинный величаво
Глядится в лоно речки зыбкой.

На мостике кентавры вечно
Хранят спокойствие долины.
У павильона Роз безопасно
Гуляют праздные павлины.

Скульптуры, кажется, застыли
В тени садов лишь на мгновенья
И ждут, чтоб нам поведать были,
Божественного мановенья.

Плывёт пленительным елеем
Дух разнотравья благовонный...
Тройною липовой аллеей
Проеду экипажем конным

К дворцу, воображая ясно,
Как Пушкин здесь с женой гулял.
В офортах и стихах прекрасных
Красу Жуковский воспевал

Сих мест... Сквозь кроны вековые
Чуть виден небосвод лазурный.
Под ними, как в года былые,
Оркестр играет марш бравурный.

Павловск. Вид на Храм Дружбы

На трость опёршись, с пьедестала
Царь Павел музыке внимает,
Безмолвно путников усталых
В свои чертоги приглашает.

С Египетского vestibюля
Взойдя по мраморным ступеням,
Из нынешнего дня июля
Переношусь в былое время.

Убранством пышным поражают
Парадных залов анфилады,
С портретов на стенах взирают
Цари в изысканных нарядах.

Здесь, в императорских хоромах,
О прошлом память затаилась...
На государевых приёмах
Напудренная знать толпилась,

И томных дам придворных вздохи
Тонули в звуках клавесинных...
Здесь образ павловской эпохи

Живёт в мелодиях старинных.
Здесь гобелены и шпалеры,
Кровать с высоким балдахином,

Изысканные интерьеры
В библиотеках и гостиных,

Плафоны, статуи, картины,
Сервизы, вазы расписные
И люстры в зеркалах каминов —
Веков свидетели немые...

Скромнее комнаты жилые,
Но их изящество не хуже.
Царица вдовая Мария
Грустила часто здесь о муже,

Забыв мирские наслажденья,
В роскошном придворцовом храме
Заупокойные моленья
Шептала скорбными устами.

Навек в душе её осталась
Печаль об убиенном милом.
В свой садик собственный спускалась
И утешенье находила

Она средь клёнов и акаций,
Цветы прекрасные лелея.
Окончив садом заниматься,
Шла тополиною аллеей,

Сентиментальной иностранкой
Сидела в павильоне Граций,
Любуясь, как струи Славянки
На ярком солнце золотятся...

Приютино. Дом Олениных

Приютино

Приютино – уютный уголок
Спокойствия под шумным Петербургом,
Куда влечёт порой неодолимо.
Здесь, чудится мне, времени поток
Свой замедляет бег неумолимый...
В тени садов, беседа друг с другом,
Гуляют Гнедич, Вяземский, Крылов.
Влюблённый Пушкин пишет вдохновенно
В альбоме нежный мадригал Анете
За круглым столиком в сени дубов.
Медорка ластится к Елизавете
Марковне, с супругом умиленно
Ведущей разговоры у пруда,
В чьём зеркале двоятся дом и флигель,
Ротонда, кузня, небо голубое...
Воображение меня туда
Несёт, к моим приютинским героям,
Когда о них в тиши читаю книги.

Петергоф. Большой каскад

Петергофские фонтаны

Петергофские фонтаны:
«Солнце», «Ева» и «Адам»...
Изогнув златые станы,
«Нимфы» воду льют к ногам.

От восторга обмирает,
Кто однажды видел сам,
Как, друг друга обгоняя,
Струи рвутся к небесам.

Плеск вначале еле слышен,
А потом за рядом ряд
Всё звончей, полнее, выше
Рукотворный водопад.

И, искрясь в лучах игриво,
Пляшут струйки в унисон,
А над ними мощной гривой
Извергается «Самсон».

Воды катятся шумливо,
Пенясь, фыркая, бурля...
Пушкин с Финского залива
Любовался с корабля

На прогулке до Кронштадта
В окружении друзей,
Как плывут в лучах заката
Стрелы ровные аллей,

Величавые фасады
Павильонов и дворцов,
Уникальные каскады
Замечательных творцов,

«Пирамиды», «Чаши», «Вазы»...
Тает в дымке пароход.
Капель радужных алмазы,
Дивных статуй хоровод

Дарят радость, наслажденье,
Безмятежные мечты
И душе отдохновенье
От докучной суеты.

Петергоф. Вид на дворец Марли

Большое Болдино. Вид на барский дом и конюшню

Воспоминание о Болдине

Пройдусь по болдинскому саду
Чарующим осенним днём,
Вдохну небесную прохладу,
Омоюсь золотым дождём

Листвы, слетающей на землю,
В раздумье встану на мосту...
Когда – то, щедрым музам внемля,
Творил здесь Пушкин красоту.

Невольный пленник вдохновенья,
Писал от суеты вдали
Он повести, стихотворенья
И письма нежной Натали.

Хоть сердцем рвался он к невесте,
Лились из – под его пера
В благословенном этом месте
Шедевры. Дивная пора

В преддверье долгожданной свадьбы
Столь плодотворною была,
Что тихой болдинской усадьбе
Живую славу принесла...

Взгляну сквозь бронзовые пряди
Ветвей на деревянный дом,
И строки пушкинской тетради
В воображении моём

Возникнут лёгким мановеньем
Волшебной палочки времён.
О заповедник вдохновенья!
Прими сердечный мой поклон.

Здесь поэтического света
Лучи мне согревали грудь.
Вернусь сюда, в приют поэта,
За лирою когда – нибудь.

Большое Болдино. Вид на горбатый мостик

Берново

«Наше милое Берново», —
Написала Анна Керн...
Чистый воздух, дух сосновый,
Притяженье старых стен.

Круглый пруд в тенистом парке
Отражает небосвод,
Луч высвечивает яркий
Белых лилий хоровод.

Нависают низко арки
Из причудливых ветвей.
Здесь встречался волей Парки
Пушкин с Музою своей.

Муза слух его ласкала
На Парнасском на холме,
За собою увлекала
К живописной речке Тьме,

С ним задумчиво бродила
По окрестностям глухим
И, любя, ему дарила
Вдохновенные стихи.

До сих пор живёт в Бернове
Этих встреч далёких след.
Посетить зовёт он снова
Край, что воспевал поэт,

Где душою окунёшься
В ауру былых веков,
Сердцем к тайне прикоснёшься
Чудных пушкинских стихов.

Псков. Церковь св. Василия на Городке. XV век

Псковские древности

1

Псковские древности
Взгляд поражают суровым величием,
Тихой напевностью
В подлинно русском обличье.
В башнях и звонницах
Есть и смирение, и твёрдость,
Слышится конницы
Невского поступь. И гордость
Здесь ощущаешь душою
За пращуров мудрых и смелых
В час любованья красою
Церквей этих каменных белых,
Стен над рекою Великой
Высокого Псковского Крома
И благодатною святостью ликов
В часовнях, церквях и хорамах.

2

В здешних краях родилась
Благоверная Ольга – княгиня,
И сохраняется зримая связь
Со святой древнерусской доньине.
Пушкин – потомок её отдаленный
В тридцатом колене,
В Псковской земле вдохновенный
Его поэтический гений
Стал бриллианта чудесней
Огранки тончайшей,
Миру собрание песней
Явив величайших.
Гибель его – это горе
Тогда и сегодня,
Здесь, в Святогорье,
Лежит он по воле Господней.
Слышится тихое пенье
Из окон на службе соборной.
Вечное упокоенье
Обрёл его дух непокорный.

Святые Горы. Надгробие А.С. Пушкина

Псков. Псковский кремль (Кром)

З
Плавнó Псковá протекает
В заросшем осокою устье.
Утренний звон навевает
Немного задумчивой грусти,
Словно играет Давид покаянно
С небес на кимвалах и лире.
Хоть ничего постоянного
Нет на земле в нашем мире.
Крома могучие стены
В суровых веках устояли,
Зная и горечь измены,
И песни побед и печали.
Так получается,
Что в этих стенах, соборах и башнях
Соединяются
Завтрашний день и вчерашний.
Мирно беседует
Прошлoе с веком текущим
И заповедает
Славу свою поколениям грядущим.

Зимний вечер в Михайловском

Стоят заиндевелые берёзки
У Сороти вдоль белых берегов.
Играют дивно радужные блёстки
На волнах распушившихся снегов.

В саду, в застылой липовой аллее,
Сгущается лиловый строй теней,
И облака – ожившие камеи —
Глядят на землю через вязь ветвей.

В Михайловском нисходит зимний вечер.
Сугробы голубеют под окном,
И солнце алым светом издалече
Струится в невысокий барский дом,

Где Пушкин некогда, усевшись на диване,
В морозных синих сумерках читал
Свои стихи любимой старой няне,
И огонёк свечи слегка дрожал

От звуков голоса его певучих.
Сияла ярко творчества звезда...
Мелодии прекрасных тех созвучий
Всё явственней слышны нам сквозь года.

Поёт доселе пушкинская лира!
Душою гений жив, он с нами, здесь!
И не умолкнет до скончанья мира
Его стихов живительная песнь.

Пушкинские усадьбы и парки в стихах русских поэтов конца XVIII – начала XX века Антология

Замечательные усадьбы и парки, где жил и творил великий Пушкин, привлекают с каждым годом всё больше паломников, стремящихся не просто осмотреть достопримечательности и узнать что – нибудь интересное о всенародном кумире, но и соприкоснуться с живыми истоками творчества поэта. Его гений создаёт в этих местах особую духовную атмосферу, вдохновляющую многих художников, писателей, поэтов.

Захарово

Прежде всего удивительная красота родных пейзажей отразилась в сочинениях самого Пушкина. Впечатления, полученные в детстве и раннем отрочестве в подмосковном имении Захарово, воплощены в чудесные строки «Послания к Юдину», где поэт описывает своё селенье, отражённое «зерцалом вод»:

На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в весёлый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых клёнов тёмный ряд
Возносится до небосклона
И глухо тополы шумят.

Захаровские образы явно проступают в таинственном сказочном «Сне», навеянном повествованиями «о мертвецах, о подвигах Бовы...», рассказанными перед сном «мамушкой», в чьём облике переплетаются черты няни Арины Родионовны Яковлевой и бабушки Марии Алексеевны Ганнибал. Виды любимого села, где с «тихою красою минуты детства протекли», можно узнать и в других произведениях поэта: «Городок», «Барышня – крестьянка», «История села Горюхина»...

В стихотворении «Городок» юный поэт воспел свой «сад веселый»,

Где липы престарелы
С черёмухой цветут,
Где мне в часы полдневны
Берёзок своды темны
Прохладну сень дают,
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора...

Имение Захарово было продано М.А. Ганнибал в 1811 году и более столетия почти не вызывало интереса не только у литераторов, но даже у пушкиноведов.

Вязёмы

Проводя лето в Захарове, семья Пушкиных приезжала на богослужения в находящийся неподалёку Преображенский собор села Вязёмы (ныне Большие Вязёмы), принадлежавшего тогда князю Борису Владимировичу Голицыну, троюродному племяннику М.А. Ганнибал, видному генералу и поэту – романтику, сочинявшему идиллии, эклоги и статьи на французском языке. Бывали Пушкины и в его дворце, окружённом прекрасным ухоженным парком с живописными прудами и плотиной: князь наверняка приглашал в гости своих дальних родственников. Пользовались они и его обширной библиотекой. Может быть, книги Горация и Лафонтена, с которыми Саша Пушкин сидел в захаровском парке «под дубом наклоненным... в приятных погружён мечтах», были взяты из этой библиотеки.

Вязёмы. Дворец Голицыных

Ландшафты Больших Вязём и окрестностей, происходившие здесь события отражены во многих произведениях великого поэта: «Борис Годунов», «Дубровский», «История Петра Великого»... Наиболее ярко воплощены вязёмские впечатления, пожалуй, в «Евгении Онегине». «Почтенный замок» в деревне Онегина очень напоминает изысканный вязёмский дворец с высокими покоями, изразцовыми печами и каминным залом:

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен,
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,

Царей портреты на стенах
И печи в тёмных изразцах.

Дорога, по которой пришла однажды вечером Татьяна Ларина в опустевшее уже имение своего героя, и неожиданно представший перед нею вид усадьбы очень напоминают дорогу из Захарова в Большие Вязёмы и пейзаж, открывающийся с высокого правого берега реки Вязёмки на дворец и парк Б.В. Голицына. Внешние черты красавца князя и его литературные предпочтения угадываются в образе Владимира Ленского. Значительно и сходство немолодого супруга Татьяны с Дмитрием Владимировичем Голицыным, флигель – адъютантом, губернатором Москвы, который унаследовал Вязёмы от брата, умершего в 1813 году. С течением времени внимательные исследователи находят всё новые произведения поэта, где он порою подсознательно отразил впечатления детства и раннего отрочества, проведённого в Захарове и Вязёмах.

Усадьба Вязёмы упоминается в пространном стихотворном «Послании к князю Николаю Михайловичу Голицыну», сочинённом Николаем Петровичем Николевым (1758–1815), поэтом и драматургом, весьма известным в своё время, а теперь почти забытым. Князь Н.М. Голицын (1731–1800), который построил в Вязёмах сохранившийся до наших дней изысканный дворец с двумя флигелями, разбил парк, сады, многое сделал для благоустройства села и окрестностей, был в дружеских отношениях со слепым поэтом, проводившим летние и осенние месяцы в своём имении Горки в Вереysком уезде. Николев пишет своему другу:

...Горки мне
Казались бы как край постылой,
Когда б сосед мой, доброй, милой,
Голицын не был в их стране;
Когда б была Вязёма дале!

Воспевая военные подвиги Н.М. Голицына, который в «бригадиры не шутя, не кланяся и не лстя, но службою своею вышел», его учёность и опытность в делах, Николев просит наставить его в «науке той полезной», благодаря которой его друг проводит дни без скуки, успешно ведёт хозяйство, умело используя все новшества своего времени и народные приметы:

Хозяйство всем тебя снабдило.
И ты, земли не погубя
Затеями хозяев модных,
Держась подчас примет народных,
Зришь торжествующим себя
В хозяйственных своих работах,
В полезных отчеству заботах.

Поэтического описания вязёмских пейзажей в письме Николева нет: он ограничился лишь ностальгическими воспоминаниями о прелестях ушедшего лета и трудах по благоустройству собственного имения Горки. Стихи Николева в полной мере принадлежат к популярному в XVIII–XIX веках жанру стихотворных посланий.

К сожалению, не удалось найти упоминаний о Вязёмах в стихах других известных русских поэтов конца XVIII – начала XX века. Как и Захарово, это имение не привлекало к себе особого внимания пушкинovedов и литераторов, несмотря на то что в расположенном неподалёку Голицыне находился Дом творчества, где отдыхали известные деятели искусства.

Царское Село

Более всего образ юного Пушкина ассоциируется у русских поэтов с Царским Селом, где прошли лицейские годы гения, куда он много раз навещался в молодости и зрелости, где провёл первое, самое счастливое лето семейной жизни с Натальей Николаевной. Царское Село – «город муз», где, по словам Анны Ахматовой, «столько лир повешено на ветки», прославлялось поэтами с самого основания. Восхищённый красотами новой царской резиденции Елизаветы Петровны, М.В. Ломоносов написал восторженные строки:

Как если зданием прекрасным
Умножить должно звёзд число,
Созвездием являться ясным
Достойно Царское Село.

Царское село. Екатерининский дворец

Царскосельские красоты и увеселительные затеи Фелицы – Екатерины II ярко запечатлены в стихах Г.Р. Державина. По его меткому определению:

Тут был Эдем её прелестный
Наполнен меж купин цветов.

Ипполит Богданович, автор очень популярной во времена Екатерины II поэмы «Душечка», воспел установленные в Екатерининском парке памятники в честь побед русского оружия:

Там новые водам открылися пути,
И славных русских дел явились монументы.

Своё восхищение величественным парком выразил Александр Воейков, добавивший описания российских садов в собственный перевод знаменитой книги Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды»:

Забуду ли тебя, сад Царскосельской славной!
Отдохновение Жены, героям равной,
Где не зарос Её любезный россам след,
Где каждый памятник есть памятник побед...

Александр Пушкин стал самым гениальным певцом Царского Села. «Сады Лицея» многократно воспеты поэтом. Если в Захарове и Больших Вязёмах его лира только начала пробуждаться, то в Царском Селе она звучала с каждым годом всё громче и прекраснее. Символично название стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», выслушав которое на переводном лицейском экзамене, Г.Р. Державин «в гроб сходя благословил» юного поэта. Складом речи, её внутренней мелодией стихи напоминают торжественные оды поэтов XVIII века, и это глубоко оправданно, ведь речь идёт о славе русского искусства и победах русского оружия в эпоху Екатерины II, увековеченных в колоннах и обелисках. Ночной ландшафт «прекрасного Царскосельского сада», воспетый в стихотворении, одновременно лиричен и величав:

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской храм?

Глядя на обелиски в честь побед под Чесмой и Кагулом, вспоминает юный Пушкин и славу, и горечь Отечественной войны 1812 года, разорённую Москву и милые сердцу подмосковные усадьбы:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!

Стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» словно подчёркивает преемственность творчества Пушкина и его лучших предшественников, но в строках юного поэта гораздо больше афористичности, лиризма и искренних чувств, близких русскому сердцу.

В произведениях Пушкина часто звучат царскосельские мотивы. В стихотворении «Царское Село», сочинённом на юге в 1823 году, поэт признаётся:

И, чуждый призраку блистательных славы,
Вам, Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестный музы друг

И песни мирные и сладостный досуг.

Живущие в воображении поэта картины парков чаруют своей ностальгической красотой. В них всё дышит памятью о лицейской юности:

Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось,
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, весёлость и покой.

Царское Село. Вид на Лицей и дворцовую церковь

К пленительным царскосельским воспоминаниям обращался Пушкин в стихах, посвящённых лицейским годовщинам, в лирических отступлениях «Евгения Онегина» и других произведениях. В 1829 году поэт написал стихотворение с таким же названием, как и то, за которое его благословил Державин – «Воспоминания в Царском Селе». Пушкин, воображая себя «вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым», обращается к благословенным лицейским годам и к воспоминаниям о славной эпохе Екатерины II:

И ввявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Ещё исполнены великою женою,
Её любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,

Столпами, башнями, кумирами богов,
И славой мраморной и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Пушкин видит «призраки героев у посвящённых им столпов», среди которых прославленный полководец П.А. Румянцев, «перун кагульских берегов», и двоюродный дед поэта Иван Абрамович – «наваринский Ганнибал». Неоконченное стихотворение 1829 года явно перекликается по содержанию с написанным в лицейские годы, но более лаконично по форме, а по стилю уже не похоже на оды XVIII века.

Поэтичные виды Екатерининского парка не раз ещё привлекут внимание литераторов, живших и бывавших в Царском Селе. Много гимнов будет пропето царскосельским садам, пушкинские мотивы порою будут вольно или невольно звучать в новых стихах, но лишь когда со дня гибели великого поэта пройдет более полувека, на фоне торжественных и элегических пейзажей русские поэты увидят дорогую сердцу фигуру загорелого кудрявого лицеиста.

Молодой Пушкин воспевал «среди блещущих зыбей станицу гордую спокойных лебедей», а стареющий В.А. Жуковский незадолго до смерти написал стихотворение «Царскосельский лебедь». Под сенью парка

...На водах широких,
На виду царёвых теремов высоких,
Пред Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди молодые голубое лоно
Озера тревожат плаваньем, плесканьем,
Белых крыл могучих, белых шей купаньем...

Дряхлеющий, но всё ещё прекрасный и величавый одинокий лебедь дичится молодых сородичей:

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь на лоне вод уединенных,
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!

В этом покинутом всеми старом царскосельском лебеде Жуковский, остро чувствующий творческое одиночество в чуждом ему Бадене, символически видит себя, свою нелёгкую и славную судьбу.

Попав в заснеженный город, легко представить, как пожилой П.А. Вяземский, опираясь на трость, идёт в «Царскосельский сад зимою» (так называется стихотворение) «бродить с раздумием своим». Здесь

Под холодной снежной пеленою
Тень жизни внутренней слышна,
И, с камней падая, с волною
Перекликается волна.

В вечерней мгле пред глазами поэта

...много призрачных видений
И фантастических картин
Мелькают, вынырнув из тени
Иль соскочив с лесных вершин.

Может быть, среди этих призраков Вяземскому мерещилась и тень давно ушедшего из жизни друга Пушкина, но в стихотворении об этом он умолчал.

Великолепие старинных дворцов и лирические картины царскосельских садов навевают Ф.И. Тютчеву, как и Пушкину, мысли о славном былом:

Осенней позднею порою
Люблю я Царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят...
И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся пурпурные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой.

Когда читаешь эти строки, чудится, что где — то рядом с дворцом бродит призрак Екатерины II в окружении теней славных полководцев её эпохи. Невольно возникает ощущение незримого присутствия в глубине парка Пушкина, но не юноши — лицеиста, а зрелого мужа, потому что в лирических величавых строках Тютчева нет юной жизнерадостности.

Меланхоличный Константин Фофанов видит «задумчивые парки» сквозь призму собственных поэтических фантазий, в своём воображении он рисует картины блистательных увеселений екатерининской эпохи, когда

У входов стройно выстроились в ряд
Затейливых фасонов экипажи...
Мелькают фижмы, локоны, плюмажи...

Он воспевает в «Думе о Царском Селе» великолепные парковые ландшафты, «зыбкие аллеи прохладных арки», «ряд душистых цветников», «мостики над зеркалом прудов»...

В поэтическом провидении Фофанову представляется «святая тень великого певца»:

Мне чудится — во мгле аллей старинных,
На радостном расцвете юных дней
Один, весной, при кликах лебединых
Мечтатель бродит... Блеск его очей
Из — под бровей, густых и соболиных,
Загар лица, курчавый пух ланит...
Всё в нём душе так много говорит!
Рассеянно к скамье подходит он,
С улыбкою он книгу раскрывает,

Задумчивостью краткой омрачён,
Недолго он внимательно читает...
Из рук упал раскрытый Цицерон...
Поэт поник и что – то напевает...

Кажется, будто живая фантазия Константина Фофанова навеяна памятником Пушкину в Лицейском саду, но это не так. Памятник был открыт спустя 11 лет после написания «Думы о Царском Селе».

Словно наяву возникает образ Пушкина в Царском Селе в стихах поэтов серебряного века, многие из которых по праву считали этот город своим «отечеством», ибо здесь прошли годы их детства и юности. Для них учителем и кумиром был Иннокентий Анненский, проведший в городе муз последние 13 лет своей недлинной яркой жизни. Элегической печалью веет от царкосельских строк Анненского, готового «улыбнуться сквозь слёзы» при словах «Царское Село». Поэта «волнует вкрадчивый осенний аромат», ему видятся «парков чёрные бездонные пруды, давно готовые для спелого страдания» и «чудится лишь красота утрат», как пишет он в стихотворении «Сентябрь». Анненский принял непосредственное участие в сборе средств на памятник Пушкину – лицеисту, остро чувствовал связь великого поэта с Царским Селом, считал город одним из «урочищ пушкинской славы».

Екатерининский парк. Большой пруд

В стихах, обращённых к Л.И. Миклулич, Анненский создал таинственный и романтический образ Царского Села, в котором причудливо сочетаются лирические пейзажи парка, печальная «Молочница», пышные залы дворца, торжественные императорские портреты, тень Екатерины II и памятник Пушкину:

Там на портретах строги лица,
И тонок там туман седой,
Великолепье небылицы
Там нежно веет резедой...

Один из лучших сонетов Иннокентия Анненского называется «Бронзовый поэт». В преддверии ночи автору мнится, что в Лицейском саду

Воздушные кусты сольются и растают,
И бронзовый поэт, страхнув дремоты гнёт,
С подставки на траву росистую спрыгнёт.

Николай Гумилёв в стихотворении «Памяти Анненского» написал:

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Гумилёв, благоговевший перед своим учителем, думается, оказался не прав: в прекрасную плеяду «царскосельских лебедей» влился и он сам, и его супруга Анна Ахматова, и Всеволод Рождественский, и Эрих Голлербах и многие другие талантливые поэты с трудной судьбой, пополнившие царскосельскую пушкиниану новыми стихами.

Родившийся в Царском Селе Всеволод Рождественский воспел «белый дворец в Царскосельском парке, горбатый мост, минарет, пруды...», барышень, читающих «в густой сирени царскосельских дач»... Гуляя по городу, молодой поэт вспоминает о Пушкине:

Чугунная Леда трепещущих крыл
Не отводит от жадного лона.
Здесь Катюшу Бакунину Пушкин любил
У дрожащего золотом клёна...

Ему слышится, будто вьюга шепчет

...сквозь тонкий лыжный свист,
О чём задумался, отбросив Апулея,
На бронзовой скамье курчавый лицеист.

В круговерти метели перед молодым поэтом Иннокентием Оксеновым у ворот парка, где «литыми перспективами дубы соперничают с замыслом Растрелли», возникает видение:

Трёхпалубным ковчегом
летит сквозь ночь
Лицей под тишиной и снегом
на голос давних дней.

Анна Ахматова очень любила город, «где лицейские гимны всё так же заздравно звучат». В Царском Селе прошли её детство и ранняя юность, первые годы семейной жизни с Николаем Гумилёвым. В 1957 году она написала: «...возьму и за Лету с собою очертания живые моих царскосельских садов». Перу «златоустой Анны всея Руси», как назвала её Марина Цветаева, принадлежит чудесное стихотворение о Пушкине – лицеисте, создающее ощущение его живого присутствия в Царскосельском парке:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озёрных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрёпанный том Парни.

Поэт и искусствовед Эрих Голлербах, автор замечательной антологии «Город муз», сочинил цикл «Царскосельские стихи», проникнутые тоской по своему ушедшему в небытие родному дому, в котором некогда жил директор Лицея Энгельгардт и «в оны дни бывали Пушкин, Пущин», и нежной любовью к городу, где «Пушкина родилось вдохновенье и выросло в певучей тишине», где «сам себе мятежностью наскучив, медлительно прогуливался Тютчев», где «Анненский созвучия бросал вслед облакам и кликам лебединым» и мечтала «задумчивая Анна и с ней поэт изысканный и странный» – Николай Гумилёв.

Огромно влияние Пушкина на поэтов серебряного века, воспевавших каждый по – своему те же изумительные красоты «садов Лицея», что и он, и создавших живой портрет гениального лицеиста на лоне царскосельских парков.

«Царскосельская статуя»

В 1816 году в Царском селе близ Большого пруда Екатерининского парка был открыт фонтан «Девушка с кувшином». Прекрасная статуя, созданная скульптором П. Соколовым, внесла особое очарование в этот уютный уголок парка, привлекла внимание художников и литераторов. Грациозная фигурка девушки склонилась в светлой печали над разбитым кувшином, из которого истекает звенящая струя воды.

Скульптура создана по мотивам басни Жана де Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком», но наполнена более глубоким содержанием. В басне молочница Перетта несёт в город на продажу кувшин с молоком и, мечтая о доходах и приобретённых на них благах, подскакивает от восторга, отчего

Молоко падает; прощайте телёнок, корова, свинья и цыплята,
Хозяйка этих благ, провожая грустным взором своё богатство,
Так неосторожно разлитое, идёт извиняться к супругу,
Сильно рискуя быть им побитой.

Соколов углубил содержание басни в своей скульптуре, которая, по словам В.А. Грехнева, «уже сама по себе принадлежит к такому уровню совершенства, с которым трудно соперничать». Вместо простой французской крестьянки перед нами совершенная античная девушка в изящной позе, чей печально – задумчивый взор обращён на разбитый черепок.

1 октября 1830 года, в пору Болдинской осени, знаменитый фонтан воспел А.С. Пушкин в стихотворении «Царскосельская статуя»:

Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева над вечной струей вечно печальна сидит.

Пушкин отошёл от басни Лафонтена гораздо дальше, чем Соколов, в сторону обобщения и углубления философского содержания. Как отмечал Р.О. Якобсон, трудно опознать Перетту в вечно печальной деве пушкинских строк: «Утёс, печально сидящая дева, черепок, неиссякаемая струя воды из разбитого сосуда переняты у скульптора пушкинскими стихами, но все эти аксессуары испытали при пересадке глубокую метаморфозу в своей мотивировке и особенно в сюжетном осмыслении самих основ ваяния и парковой скульптуры». С такой оценкой согласен известный пушкиновед В.А. Грехнев, который пишет: «Свершилось чудо стихотворения. Жизненный миг преобразился, наполнился смыслом и, одухотворённый, перестал быть мгновением, сделался причастным вечности. Огромной мыслью о жизни и чуде искусства веет от последних пушкинских строк».

Творчество Лафонтена оказало колоссальное влияние на мировую литературу и искусство. Испытал это влияние и Пушкин. По свидетельству сестры поэта О.С. Павлицевой, он познакомился с баснями Лафонтена ещё до Лицея и подражал им в своих первых стихотворениях, написанных по – французски. Переработанные сюжетные заимствования из Лафонтена есть и в некоторых зрелых произведениях поэта. Например, Г.Н. Ермоленко указывает на сходство сценки переодевания мужчины в служанку в сказке Лафонтена «Спор трёх кумушек» с переодеванием парня в горничную Маврушу в поэме Пушкина «Домик в Коломне». Начало поэмы «Граф Нулин» похоже на завязку лафонтеновской «Молитвы св. Юлиана». Басни Лафонтена, по мнению многих исследователей, из всех произведений этого

автора менее всего нравились Пушкину. В зрелости поэт относился к ним прохладно. В шести его более ранних стихотворениях (1815–1827 гг.), как установил Б.В. Томашевский, присутствуют реминисценции (то есть заимствования) из этих басен.

Царское Село. Фонтан «Девушка с кувшином»

В «Царскосельской статуе» есть лишь весьма неполное сюжетное сходство с басней «Молочница и кувшин с молоком», а реминисценции практически вообще отсутствуют. Пушкин не случайно включил это стихотворение в цикл «Анфологических эпиграмм», жанр которых передаёт колорит античного мироощущения. Пушкин превращает кувшин – в урну, камень – в утёс, воду фонтана – в вечную струю. Лаконичное стихотворение написано популярным в античности элегическим дистихом (гекзаметр + пентаметр) и относится к античному жанру экфрасиса – детализированного описания, как правило, скульптурной группы. По мнению С.А. Кибальника, «Царскосельская статуя» написана с ориентацией на экфрастические эпиграммы Дельвига «Надпись на статую флорентийского Меркурия» и «Купидону» (1820). Однако по сравнению с произведениями Дельвига стихотворение Пушкина

обладает несравненно более сильным воздействием на читателя. Многие исследователи согласны с точкой зрения В.А. Грехнева, писавшего: «Царскосельская статуя» – произведение редкого художественного совершенства <...> об античности и о «вечной струе» бытия, о мудрой печали человеческой, склонившейся над потоком жизни, и о могучей силе искусства, способной удерживать и заковывать в вечно живые формы творчества быстротечный миг. И вся эта бездна пространства сосредоточена в четырёх строках пушкинского текста...»

Неповторимое очарование пушкинского стихотворения породило целый цикл стихотворений русских поэтов, посвящённых прекрасному романтическому фонтану Екатерининского парка. Первым в своеобразное творческое состязание с Пушкиным вступил молодой поэт Михаил Деларю, выпускник V курса Лицея. Свои стихи «Статуя Перетты в Царскосельском саду» с пометой «с немецкого» он опубликовал почти одновременно с «Царскосельской статуей», но наверняка был знаком с пушкинским стихотворением раньше. Известно, что М.Д. Деларю общался с Пушкиным в кружке у Дельвига, активно сотрудничал в «Литературной газете» и «Северных цветах», где в 1832 году было опубликовано стихотворение «Царскосельская статуя». Помета «с немецкого» была устранена в более позднем издании стихов Деларю, на основании чего С.А. Кибальник предположил, что она была мистификацией. Деларю в гораздо большей мере, чем Пушкин, отразил в своих стихах сюжет басни Лафонтена:

Что там вдали, меж кустов, над гранитным утёсом мелькает,
Там, где серебряный ключ с тихим журчаньем бежит?
Нимфа ль долины в прохладе теней позабылась дремотой?
Ветви, раскройте секрет: дайте взглянуть на неё!
Ты ль предо мною, Перетта? – Тебе изменила надежда,
И пред тобою лежит камнем пробитый сосуд.
Но молоко, пролиась, превратилось в журчащий источник:
С ропотом льётся за край, струйки в долину несёт.
Снова здесь вижу тебя, животворный мой гений, надежда!
Так из развалины благ бьёт возрожденный твой ток.

В превращении разлитого молока в «журчащий источник» Деларю увидел аллгорию потерянной и вновь возродённой надежды. Стихотворение Деларю несравненно слабее по глубине содержания, поэтической красоте и силе воздействия, чем пушкинская «Царскосельская статуя». Содержательное сходство между двумя стихотворениями, написанными одним и тем же размером, совсем небольшое. «Нимфа долины» Перетта, «пробитый сосуд» и «журчащий источник» в стихах Деларю гораздо бледнее пушкинской печальной «девы», «урны» и «вечной струи».

В 1889 году к пушкинскому образу обратился поэт Константин Фофанов, воспевающий в поэме «Дума о Царском Селе»

...в сумраке задумчивых кустов
Печальный лик склонившейся красоты.
Она грустит над звонкою струей,
Разбив кувшин, кувшин заветный свой.
Она грустит безмолвно много лет,
Из черепка звенит родник смиренный,
И скорбь её воспел давно поэт,
И скрылся он, наш гений вдохновенный,
Другим певцам оставив белый свет.

А из кувшина струйка влаги пенной
По – прежнему бежит не торопясь,
Храня с былым таинственную связь.

В воображении Фофанова «Девушка с кувшином» неотделима от пушкинских строк и от образа самого великого поэта, а неторопливая «струйка влаги пенной» отображает связь современности и пушкинской эпохи.

В стихах, обращённых к Л.И. Микулич, Иннокентий Анненский рисует прекрасный и таинственный образ Царскосельского парка и представляет, что близ Большого пруда, где «нежно веет резедой», сквозь «туман седой» виднеется не «Девушка с кувшином», а

...нимфа с таицкой водой,
Водой, которой не разлиться.
Там стала лебедем Фелица
И бронзой Пушкин молодой.

Не случайно образ памятника Пушкину соседствует у Анненского с образом «нимфы с таицкой водой»: таинственная неиссякаемая струя воды в этом контексте ассоциируется со вторым стихом пушкинской «Царскосельской статуи».

Особенно часто обращаются к пленительной скульптуре Соколова поэты серебряного века. В 1916 году о ней писали Анна Ахматова и Василий Комаровский. Поэт и искусствовед Эрих Голлербах так отзывался о творчестве последнего: «Странный, утончённый стиль стихов Комаровского придаёт им очарование осенних цветов, осеннего увядания, шелестов, шорохов, веющих в глухих аллеях умирающего парка. Читая стихи Комаровского о Царском Селе, в равной мере ощущаешь прелесть воспетого им города и неподдельное своеобразие его собственной души». Действительно стихи В.А. Комаровского «Не этот павильон хандры порфиноносной», где упомянута «Девушка с кувшином», весьма своеобразны. Поэт пишет о том, что ни Триумфальная арка, ни запруды, ни Раса – статуя Мира, воспетая Анненским, его «не влекут назад необоримо»:

Я буду вспоминать, по – новому скупой,
Тебя, избитую обыденной тропой,
Сочувствием вдовы, насмешкой балагура...
С рукой подпёртою сидящую понуро.
Я вечер воскрешу, и поглотят меня
Деревьев сумерки. Безумолчно звеня,
Пушай смешается с листвою многошумной
Гремучая струя и отдых мой бездумный.

Стихи Комаровского отличаются глубоко личным восприятием скульптуры и далеки от обращённого в вечность пушкинского стихотворения. Может быть, поэтому их критиковал поэт Н.В. Недоброво. Э.Ф. Голлербах в книге «Город муз» воображает прогулку по осеннему парку в вечернем полумраке таинственной пары: Анны Ахматовой и Николая Недоброво: «Перед «Девушкой с разбитым кувшином» поэт вспоминает строки Пушкина и Деларю, бранит стихотворение Комаровского. Женщина в чёрном испытывает что – то похожее на ревность, какой – то «смутный страх пред этой девушкой воспетой»...» Здесь имеется в виду известное стихотворение Анны Ахматовой «Царскосельская статуя»:

Уже кленовые листья

На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины.
И ослепительно стройна,
Поджав незябнувшие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит у дороги.
Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на её плечах
Лучи скудеющего света.
И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюблённой...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнажённой.

В 1920 году Всеволод Рождественский упоминает «Девушку с кувшином» в сонете «Тяжёлым куполом покрыт наш душный храм». С нею сравнивается женщина, плывущая на барке по Неве и грустно смотрящая на воду,

...качая взор по ситцу влаги яркой,
Совсем как девушка, что в Царскосельском парке
Поникла на скале с отбитым черепком.

Современные поэты в своём творчестве продолжают обращаться к образу «Царскосельской статуи». В 1958 году Татьяна Гнедич сочинила красивое стихотворение:

Зелёный парк шумит, не увядая,
Минувшее не дальше, чем вчера...
Игру теней в раздумье наблюдая,
Сидит на камне вечно молодая
Лицейских муз бессмертная сестра.

Она молчит всё так же в грусти праздной,
Восторженно воспетой искони,
И вечных струй напев однообразный
Звенит, как в незапамятные дни.

И мнится мне – пред ней, пред этой тенью,
Внимая бормотанью ручейка,
Стоит Он сам в раздумье вдохновенья,
И держит боливар времён «Евгенья»
Украшенная перстнями рука.

По своему размеру (пятистопному ямбу) и содержанию эти стихи близко перекликаются с отрывком из «Думы о Царском Селе» Константина Фофанова.

Современная поэтесса Анна Шидловская назвала своё стихотворение так же, как и Пушкин, – «Царскосельская статуя»:

Осенний день. Источник. Клёны. Камень,
Усыпанный листвою алой густо,
Не тронутый суровыми веками.
Гляжу – и на душе светло и грустно.

Меня волнует строгое единство
Фантазии творца и грубой бронзы —
С кувшином девушка, скорбящая так дивно,
Чей стройный стан, как стебель свежей розы.

У ног листок пожухлый – призрак лета.
Склонилась, словно под тяжёлой ношей.
А слово Пушкина – источник света —
Не меркнет, красоту её умножив.

Две последние строки этого стихотворения довольно точно выражают чувства не только автора, но и многих поэтов конца XIX – начала XX века, обращавшихся в своих стихах к фонтану «Девушка с кувшином», на котором словно незримо начертано замечательное стихотворение Пушкина «Царскосельская статуя».

Приютино. Молочный павильон

Приютино

Близ Петербурга на берегу речки Лубьи расположилась живописная усадьба, которую не однажды посещал А.С. Пушкин. Это знаменитое Приютино – имение Олениных, куда к гостеприимным владельцам Алексею Николаевичу и Елизавете Марковне съезжались в летние месяцы многочисленные гости, составлявшие цвет российской творческой интеллигенции первой трети XIX века. В этой живописной усадьбе все обитатели – от хозяев и их детей до любимого дворового пса Медора – отличались радушием и приветливостью. Здесь устраивались музыкальные и литературные вечера, верховые прогулки, весёлые игры, ставились пьесы в домашнем театре. Особое очарование дому Олениных придавали дочери хозяев Варвара и Анна. Пушкин, вероятно, посещал Приютино ещё до своей южной ссылки, однако чаще всего он приезжал туда весной и летом 1828 года, когда был серьёзно влюблён в очаровательную Анну Оленину. Произведений, непосредственно посвящённых Приютину, поэт не написал, но впечатления от встреч с предметом своей любви в этой усадьбе и окрестностях отразились в нескольких стихотворениях. 20 мая 1828 года, когда Пушкин гостил в Приютине, Анета по ошибке обратилась к нему на «ты», что явилось поводом для создания прелестного стихотворения «Ты и Вы». Это поэтическое признание в любви поэт вручил девушке 27 мая, в следующее воскресенье.

Приютино. Музыкальная гостиная

Ловкая и грациозная Анета была прекрасной наездницей. Поэт мог видеть её мастерство в Приютине, где устраивались не только верховые прогулки и кавалькады, но и соревнования по выездке и джигитовке. Вероятно, эти впечатления вкупе с мечтами поэта о женитьбе отразились в стихотворении «Кобылица молодая...».

Вполне возможно, именно в Приютине на уроке у М.И. Глинки в исполнении юной Олениной, обладавшей красивым голосом, поэт услышал грузинскую мелодию, привезённую Грибоедовым с Кавказа, и сочинил на эту музыку стихотворение – романс «Не пой, красавица, при мне...». Анна Оленина, безнадежно влюблённая тогда в другого, не разделяла любовных чувств Пушкина. С осени 1828 года поэт перестал бывать в усадьбе Олениных.

В первые десятилетия XIX века Приютино было избаловано вниманием приезжавших туда известных поэтов. Перу Константина Батюшкова принадлежит стихотворное пригла-

шение в Приютино, написанное для Александра Ивановича Тургенева – человека, сыгравшего в жизни Пушкина значительную роль. Поэтические строки Батюшкова описывают не столько красоты оленинской усадьбы, сколько её гостеприимных хозяев и приятный отдых, наполненный творческим общением:

...Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж
С открытою душою
И с лаской на устах
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без бального наряда
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.

«Добрая Элиза» (Елизавета Марковна) и «тысячеискусник» Алексей Николаевич Оленин, который, по словам Батюшкова, «муз к грациям привел», сумели создать в своей живописной усадьбе «приют для добрых душ», где приходило вдохновение к поэтам, писателям, художникам, музыкантам, актёрам и просто к друзьям дома. Творческая атмосфера Приютина оживает в послании Батюшкова:

Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под сению берёзы
О басенных зверях
И рвёт парнасски розы

Приютино. Комната дочерей

В приютинских лесах.
И Гнедич там мечтает
О греческих богах,
Меж тем, как замечает
Кипренский лица их
И кистию чудесной
С беспечностью прелестной,
Вандиков¹ ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты...

В 1829 году бывавший в усадьбе барон Александр Мейендорф посвятил Анне Олениной милое любительское стихотворение, в котором есть строки о Приютине:

И я в Приютине бывал,
И красных дней там наслаждался,
Анюту свет ещё не знал,
А я уж ею любовался.
И песни, игры, дерзкой ум,
И шалости, и дикий шум, —
Всё наслаждением было нам,
Всё воспоминаьем дышит там.

Слепой, разбитый параличом поэт Иван Козлов, гостивший у Олениных в июле 1828 года, в обращённом к Анне Алексеевне стихотворении «Любви и жизни на рассвете...» советовал девушке благословить «уединенье своих приютинских лесов».

¹ Имеется в виду художник Ван Дейк.

Самым преданным певцом живописного имения и его обитателей был Николай Гнедич. Не случайно поэт, помимо прочего сочинявший и пьесы для домашнего театра Олениных, однажды придумал себе псевдоним «господин Приютин». Перу Гнедича принадлежит большая элегия «Приютино», посвящённая Елизавете Марковне Олениной. Строки элегии проникнуты сентиментальными воспоминаниями, сквозь призму которых видит поэт лирические пейзажи приютинского парка:

Здесь часто по холмам бродил с моей мечтою,
И спящее в глуши безжизненных лесов
Я эхо севера вечернею порою
Будил гармонией гомеровских стихов.
<...>
Долины милые, лесов уединенья!
Нет, я не прихожу покой ваш возмутить;
Живой я прихожу искать воды забвенья:
Поток приютинский, дай мне его испить!

Для одинокого, неизбалованного судьбой Гнедича Приютино было связано не только с радостью творческих трудов, но и с печальными воспоминаниями о несчастной любви к прелестной Анне Фурман, юной воспитаннице четы Олениных, в которую был также безответно влюблён и Батюшков. Приютинские пейзажи оказывают на душу Гнедича умиротворяющее воздействие:

Вот здесь я, заключён зеленой сей стеною,
Мой ограничу взор прудом недвижимым сим,
С его спокойствием сольюсь моей душою
И обману печаль бесчувствием немым.
Вот здесь семья берёз, нависших над водами,
Меня безмолвием и миром осенит;
В тени их мавзолеей под ельными ветвями,
Знакомый, для души красноречивый вид!

В двух последних строках поэт говорит о небольшом мавзолее, устроенном Алексеем Николаевичем Олениным в память о старшем сыне Николае, убитом в Бородинском сражении. Мавзолеей стоял на месте дубка, посаженного юношей и засохшего после его гибели. На камне была выбита сочинённая Гнедичем надпись:

Здесь некогда наш сын дуб юный возвращал:
Он жил, и дерево взрастало.
В полях Бородина он за отчизну пал,
И дерево увяло!
Но не увянет здесь дней наших до конца
Куст повилики сей, на камень насаженный;
И с каждою весной взойдёт он, орошенный
Слезами матери и грустного отца.

В торжественной тишине ночного приютинского пейзажа, залитого серебряным лунным светом, Гнедичу чудится, что душа Николая Оленина нисходит с небес в родное имение,

что «здесь, в сих местах, дух сына обитает незримым гением отеческих полей» и что дух – утешитель этот «на небо грустному указывает» ему.

Прошло время. В 1833 году не стало Гнедича, в 1838 году умерла Елизавета Марковна. Спустя три года после её смерти Приютино было продано надворному советнику Адамсу. Имение надолго перестало быть «приютом вдохновения» поэтов. Лишь в 1974 году усилиями энтузиастов здесь был открыт музей, благодаря чему мы снова можем насладиться неповторимой красотой чудесной усадьбы, которая некогда была так притягательна для Пушкина, Гнедича, Крылова, Батюшкова и других литераторов.

Михайловское, Тригорское и Петровское

Из шумного Петербурга Пушкин не раз отправлялся в Михайловское, родовое имение Ганнибалов на Псковщине. Впервые поэт побывал там летом 1817 года после окончания Лицея. Михайловское, соседние с ним имения Тригорское и Петровское, живописная долина Сороти, озёра Кучане и Маленец, Савкина горка, Святогорский монастырь – словом, весь ныне легендарный край и полученные здесь впечатления нашли яркое отражение в творчестве великого поэта: в стихотворениях «Простите, верные дубравы», «Домовому», «Деревня», «П.А. Осиповой», «19 октября», «Зимний вечер», «Я помню чудное мгновение...», «Признание», «...Вновь я посетил», в романе «Евгений Онегин», трагедии «Борис Годунов» и многих других.

Уже в первом стихотворении «Простите, верные дубравы», написанном в 1817 году и посвящённом Тригорскому, юный Пушкин говорит о своём беспечном мечтании вернуться туда:

Приду под липовые своды
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Желание поэта исполнилось: спустя два года он снова посетил Михайловское и Тригорское – «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». В стихотворении «Деревня» пленяет поэтическое описание вида с Михайловского холма:

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озёр лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада;
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда.

В 1819 году незадолго до отъезда Пушкин сочинил стихотворение «Домовому»:

Поместья мирного незримый покровитель,
Молю тебя, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дивный садик мой,
И скромную семью моей обитель!
<...>
Люби зелёный скат холмов,
Луга, измятые моей бродячей ленью,
Прохладу лип и клёнов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

Михайловское. Аллея Анны Керн

Через пять лет, в 1824 году, поэт поселился в Михайловском уже поневоле и провёл здесь два года в ссылке. На первых порах Пушкин тосковал по оставленной им Одессе, запечатлевая в стихах воспоминания о синем море и солнечных экзотических пейзажах, о друзьях и возлюбленных, оставленных в дальнем краю. Потом всё чаще стали появляться в произведениях поэта образы обаятельных обитателей соседних имений, любимой няни, виды псковского края с неброской, но по – своему привлекательной и, главное, родной сердцу русской природой. Пушкин, по его словам, стал

...сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Может быть, прообразом могучего «дуба зелёного» у Лукоморья стал «дуб уединённый» в Тригорском. Хозяйке этого имения Прасковье Александровне Осиповой поэт посвящал стихотворение, в котором выражена любовь его к родным местам:

Но и вдали, краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Соседнее с Михайловским имение Петровское изначально было центром управления вотчин Михайловской губы, пожалованных императрицей Елизаветой Петровной Абраму Петровичу Ганнибалу. Великий поэт не раз бывал

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап.

Петровское принадлежало тогда двоюродному деду Пушкина Петру Абрамовичу Ганнибалу и его сыну Вениамину Петровичу Ганнибалу. Общение с ними обогащало поэта знаниями истории его рода по линии матери, давало пищу творческому воображению.

Петровское. Дом А.П. Ганнибала

Впечатлениями, полученными в Михайловском, Тригорском и окрестностях, полны многие произведения поэта, написанные им в ссылке и в последующие годы. Это прекрасный осенний пейзаж в стихотворении «19 октября 1825 года» на фоне воспоминаний о лицейской юности и посещениях друзей – Горчакова, Дельвига и Пущина. Это с детских лет всем известное стихотворение «Зимний вечер», в котором так чарует образ любимой няни Арины Родионовны. Это шедевры любовной лирики «Я помню чудное мгновенье...» и «Признание». В романе «Евгений Онегин», четыре главы которого были написаны поэтом в Михайловском, наиболее полно и ярко отразились полученные здесь впечатления, вольно или невольно переплетённые с образами, памятными с детских и юношеских лет. Это и чудесные окрестные ландшафты в разные времена года, и крестьянский быт, и жизнь местного дворянства. В описании распорядка дня Онегина в деревне немало автобиографического. Недаром П.А. Вяземский, когда гос-Петровское. Дом А.П. Ганнибала тил в Михайловском у вдовы Пушкина Натальи Николаевны в 1841 году, отправлялся бродить «по следам

Пушкина и Онегина». В бессмертный роман великий поэт включил строки о себе самом в окрестностях Михайловского:

Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

В той же четвёртой главе романа есть строки, посвящённые любимой няне:

Но я плоды своих мечтаний
И элегических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

В конце 1826 года, уже покинув Михайловское, Пушкин посвятил Арине Родионовне стихотворение «Подруга дней моих суровых».

Когда в мае 1835 года поэт вновь посетил сельцо, няни уже семь лет не было в живых. В чём – то изменились окрестные ландшафты, иным стал и сам поэт, и восприятие им родных пейзажей. Об этом говорится в прекрасном стихотворении «...Вновь я посетил...»:

Переменился я, но здесь опять
Минувшее меня объёмлет живо,
И, кажется, вечер ещё бродил
Я в этих рощах. Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов её тяжёлых,
Ни кропотливого её дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зелёных
Оно синее стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывёт рыбак и тянет за собою
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни – там за ними
Скривилась мельница, насилиу крылья
Ворочая при ветре...

Тот же пейзаж, что и в стихотворении «Деревня», только увиденный иным, ностальгическим взором. Перемену настроения у Пушкина, в семье которого тогда уже было двое детей и ожидалось рождение третьего, вызывает вид молодой поросли вокруг двух старых сосен на знакомой дороге в Тригорское. Это «племя, младое, незнакомое» радует взор поэта и пробуждает надежду:

...Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда...
Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

Пушкин желал быть похороненным в родных псковских краях, о чём писал в 1829 году, мысленно возвращаясь в Тригорское, Михайловское и Святогорский монастырь:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.
<...>
Но хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

В этом «милом пределе», где Пушкин обрёл вечный покой, как ему и хотелось, вспоминали великого поэта не только его потомки и друзья, но и приезжавшие сюда литераторы.

Прекрасные поэтические строки о Михайловском и Тригорском принадлежат перу Николая Языкова, гостившего в Тригорском по приглашению своего друга по Дерптскому университету Алексея Николаевича Вульфа, сына П.А. Осиповой от первого брака. Языков подружился здесь с Пушкиным и в стихотворном послании к нему 19 августа 1826 года писал:

С челом возвышенным стою
Перед скрижалю вдохновений,
И вольность наших наслаждений,
И берег Сороти пою.

С этими строками перекликается четверостишие из послания к А.Н. Вульфу:

Мне всё пленительно в Тригорском,
Всё свято: Пушкин, ты, да я —
Там не в одном вине заморском
Мы пили негу бытия.

Лучшие воспоминания о Тригорском и Михайловском тесно связаны у Языкова с пребыванием в этих краях Пушкина. В стихотворном послании к П.А. Осиповой от 8 декабря 1827 года поэт признавался:

И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
<...>
И те отлогости, те нивы,
Из — за которых вдалеке

На золотом аргамаке²,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гёте и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый...

Тригорское. «Дуб уединенный»

Поэтическим гимном красоте милых сердцу Николая Языкова мест стало большое стихотворение «Тригорское», посвящённое незабвенной хозяйке имения. В этих мелодичных стихах, созвучных пушкинским ритмам, воспета героическая история псковского края, «где славной старины не все следы истреблены», оживают очаровательные тригорские ландшафты в разное время суток – от лучезарного утра до ночной грозы, повседневные заботы сельских жителей, сцены купания в «гостеприимных струях» студёной Сороти знойным полуднем и вечера в обществе «певца Руслана и Людмилы» «под мирным кровом старейшин сада вековых». Пейзаж вокруг Тригорского в стихах Языкова словно наполнен прекрасной музыкой:

В стране, где Сороть голубая,

² Аргамак – дорогостоящая рослая лошадь арабской породы.

Подруга зёркальных озёр,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой,
Там, у раздолья, горделиво
Гора трёххолмная стоит;
На той горе среди лощины,
Перед лазоревым прудом
Белеется весёлый дом
И сада тёмные куртины,
Село и пажити кругом.
Приют свободного поэта,
Непобеждённого судьбой! —
Благоговею пред тобой...

Два стихотворения Николай Языков посвятил няне Пушкина. В первом из них, написанном в 1827 году, Языков вспоминал её радушие и хлебосольство, её рассказы «про стародавних бар»:

Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражён суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки и измены,
Священнодействовал при алтаре Камены, —

Михайловское. Усадебный дом

Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника — поэта...

Шестистопный ямб этих стихов, созвучный древним сказаниям, словно дышит стариной. Более лёгким четырехстопным ямбом написано полное светлой элегической грусти стихотворение «На смерть няни А.С. Пушкина», в котором интересно описание Михайловского, где

...на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озёр
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружён,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветинских времён...

Пребывание в Михайловском и Тригорском оставило глубокий след в душе и творчестве Николая Языкова. Спустя почти два десятилетия, в 1845 году, он сочинил стихотворение «К баронессе Е.Н. Вревской», посвящённое той самой Евпраксии Вульф, или Зизи, которую некогда воспел Пушкин в «Евгении Онегине» и мадригалах. Воспоминания молодости у Языкова не померкли с годами, как и огненно – сладкий вкус ромовой жжёнки, которую варила Зизи:

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей,
Звезда тех милых, светлых дней,
<...>
Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас двоих
Певцов – и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранник и подружник,
И собутыльник молодой.

С 1843 по 1866 год вдова и потомки Пушкина не посещали Михайловское. Усадьба пришла в запустение и не была местом паломничества, поэтому трудно отыскать упоминание о ней в поэтических произведениях.

В стихотворении Алексея Апухтина «19 октября 1858 года» перед автором живо предстаёт образ Пушкина, в одиночестве справляющего лицейскую годовщину в сельце Михайловском:

Я вижу, дремлет он при свете камелька,
Он только ветра свист да голос бури слышит;
Он плачет, он один... и жадная рука
Привет друзьям далёким пишет.

С 1866 года в Михайловском жил Григорий Александрович Пушкин с семьёй. До столетнего юбилея А.С. Пушкина сельцо редко посещали паломники, а стихи посвящались в основном самому великому поэту. Лишь приближение знаменательной даты по – настоя-

щему всколыхнуло интерес к пушкинским местам. На юбилейных торжествах в Михайловском и Святых Горах были прочитаны стихи, посвящённые памяти великого поэта и пребыванию его в заповедном крае. Близ его могилы звучали ныне малоизвестные строки о музе Пушкина, автором которых является Владимир Мазуркевич:

В Михайловском, здесь, вдалеке от света,
Ты с этой музой в тесной дружбе жил,
И чутким ухом вещего поэта
Её напевы робкие ловил.
Здесь, в тишине, в немом уединенье
Среди лесов, среди полей и жнитв
Сознал, что ты рождён для вдохновенья,
Для сладких звуков, не для битв.

Последние два стиха – это вольный пересказ завершающего четверостишия пушкинского стихотворения «Поэт и толпа», сочинённого в 1828 году:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Стихи написаны не в Михайловском, но именно с этим сельцом, ставшим для Пушкина «приютом вдохновенья», подсознательно связывает их В.А. Мазуркевич.

В стихотворении Алексея Дрождинина «Памяти А.С. Пушкина» говорится о могиле великого поэта в Святогорском монастыре:

Невольно мысль моя летит
На холм известной всем могилы,
Где непробудно, крепко спит
Певец Руслана и Людмилы,
Где так цветёт родимый край
И где у гробового входа
Благоухает тёплый май,
Цветёт бесстрастная природа.

Последние строки явно перекликаются с завершающим четверостишием стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», сочинённого Пушкиным в 1829 году:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Дрождинин, как и Языков, называет великого поэта «певцом Руслана и Людмилы» в отличие от Жуковского, которого Пушкин называл «певцом Людмилы», и представляет, что рядом с усыпальницей великого поэта оживают образы его героев:

И этой ночью в тишине

Перед могильными цветами
Его герои, мнилось мне,
Слетались длинными рядами...

На юбилейных торжествах в Святых Горах звучало стихотворение Н. Михайловой, не совсем совершенное по форме, но полное искренней любви к пушкинским местам:

И там, где, может быть, впервые образ Тани
Поэта посетил в селе его родном,
Где часто слушал он рассказы старой няни
Перед уютным камельком,
В селе Михайловском ещё шумят листвою
Над старым домиком те рощи и дубы,
Где отдыхал поэт усталую душою
От зависти людей, от злобной клеветы.

Тогда на месте обветшавшего дома, в котором жил великий поэт, стоял особняк, построенный по распоряжению его сына Григория Александровича, и лишь домик няни, о котором говорится в стихах Н. Михайловой, оставался в сохранности. Следующие два её четверостишия удивляют прозорливостью:

И люди вспомнили великого поэта
И повесть славную забытого села,
Где некогда вдали от суетного света
В изгнание жизнь его текла.
И под прохладною, приветливою тенью
Под шелест ласковый дряхлеющих дубов
Воздвигнется, маня своей уютной сенью,
Приюта мирного гостеприимный кров.

Дом великого поэта пришлось воссоздавать несколько раз: в 1911, 1936–1937 и 1948–1949 годах. Революционные потрясения и войны не щадили заповедные места, но память о Пушкине и любовь к нему сохранялись в людских сердцах.

Волею судьбы оказался в эмиграции поэт серебряного века Саша Чёрный, который написал проникнутое большой любовью стихотворение «Няня Пушкина», необыкновенно изящное по форме. Мысль поэта из чужих краёв летит в село Михайловское:

Сквозь льдистое оконце
С морозной вышины
Глядит литое солнце
Серебряной луны.
По кровле ветер пляшет,
Гудит в ночном саду,
И снег волнистый пашет
На скованном пруду...

Саша Чёрный мастерски рисует трогательные картины зимнего вечера, когда обеспокоенная няня встречает Пушкина, который затем слушает её сказки у печки, скрестив руки на груди. Здесь и важный кот, который «горбит шубу», и мельканье спиц в няниных руках,

и «плеск веретена», и лампадка, теплящаяся у божницы... Саша Чёрный живо воскрешает тот самый образ няни, который был создан Пушкиным и Языковым.

Милый образ Арины Родионовны ассоциируется с Михайловским и у Лидии Нелидовой – Фивейской, поэтессы первой волны русской эмиграции. В поэме «Невольник чести» она рисует почти такую же картину, что и Саша Чёрный, но только не в зимнем, а в осеннем Михайловском:

Шумит вдали сосновый бор...
Гуляет ветер по дорожкам...
Осенний дождик за окошком
Стучится в ставни, будто вор
Или скиталец бесприютный...
Но тихо в горнице уютной:
Старушка вяжет свой чулок —
Шуршит и вертится клубок;
С ним серый кот у ног играет.
Свеча, колебля тусклый свет,
Морщины няни освещает.
Полузакрыв глаза, поэт
В старинных креслах отдыхает.

В отличие от Вязём, Царского Села и Приютина сельцо Михайловское, имение Тригорское и окрестности неразрывно связаны у поэтов с именем Александра Сергеевича Пушкина, с его жизнью и творчеством, с его героями и любимой старой няней Ариной Родионовной Яковлевой.

Не сама по себе красота этих мест, а созданная гением неповторимая творческая аура всегда влекла сюда русских поэтов и пробуждала вдохновение.

Берново и соседние усадьбы

С милыми обитателями Тригорского – Прасковьей Александровной Осиповой – Вульф и её детьми Анной, Евпраксией, Алексеем Вульфами и падчерицей Алиной Осиповой – Пушкин встречался на Тверской земле, когда гостил в 1828–1833 годах в расположенных под Старицей усадьбах Малинники, Павловское, Курово – Покровское и Берново, принадлежавших родственным семьям Вульфов, Осиповых и Панафидиных. Приезжая из шумного и суетного Петербурга, поэт погружался здесь в спокойную атмосферу сельского быта, долго гулял по живописным окрестностям речки Тьмы, усадебным аллеям, весело танцевал на провинциальных балах, общался с дворянскими семействами и с крестьянами.

Берново. Дворец Вульфов

В этих краях Пушкину хорошо и вдохновенно работалось. В Малинниках, где он бывал в 1828 и 1830 годах по приглашению П.А. Осиповой, поэт завершил VII главу «Евгения Онегина», сочинил «Посвящение» к «Полтаве» и чудесное лирическое стихотворение «Цветок»,

которое позднее вписал в альбом Евпраксии Вревской. Малинникам посвящено двестише Пушкина, переданное Анной Николаевной Вульф:

Хоть малиной не корми,
Но в Малинники возьми.

В Павловском, имении Павла Ивановича Вульфа, сочинены стихотворения «Зимнее утро», «Зима. Что делать нам в деревне?», поэма «Тазит», наброски «Путешествия Онегина», неоконченный «Роман в письмах», где описание деревни напоминает пейзаж, увиденный здесь поэтом: «Старинный дом на горе, сад, озеро, кругом сосновые леса, всё это осенью и зимой немного печально, зато летом и весной должно казаться земным раем». Работал Пушкин и в Курово – Покровском, имении Панафидиных, и в Бернове, хозяином которого при нём был Иван Иванович Вульф. Его сын Николай вспоминал, как однажды, будучи ещё отроком, застал Пушкина в комнате, где тот ночевал: поэт что – то писал, лёжа на спине и положив тетрадь на согнутые ноги.

Живописными окрестными видами, которые по – своему хороши в любое время, возможно, навеяны строки VII главы «Евгения Онегина», рассказывающие о прощании Татьяны с родной деревней:

Её прогулки делятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Останавливают поневоле
Татьяну прелестью своей.
Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Ещё беседовать спешит.
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва, пышно убрана.
Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл – и вот сама
Идёт волшебница зима.

Чудесные зимние ландшафты в долине речки Тьмы угадываются в знаменитом стихотворении «Зимнее утро»:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Гораздо более прозаический деревенский быт описан в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?»: скучноватые беседы в гостиной, муки сочинительства, когда «ко звуку звук нейдёт». Картину оживляют сельский бал и сцены охоты:

Пороша. Мы встаём, и тотчас на коня,

И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и позднее уж порой,
Двух зайцев потравив, являемся домой.

Из всех усадеб, где бывал поэт, в Старицком крае хорошо сохранился только особняк в Бернове, ныне обращённый в пушкинский музей. «Это был настоящий помещичий замок, – писала Анна Керн, чьи отроческие годы прошли здесь, в имении дедушки Ивана Петровича Вульфа, – необыкновенно толстые стены, анфилады просторных залов, высокие светлые окна второго этажа, под домом вместительные подвалы». Вокруг благоухал регулярный парк, переходящий в пейзажный, липовая аллея спускалась к небольшому круглому пруду, а дорожка, обсаженная жёлтой акацией, вела на горку «Парнас», на вершине которой, как рассказывают, любил отдыхать Пушкин. Это великолепие было создано при Иване Петровиче Вульфе, который был женат на Александре Фёдоровне Муравьёвой, двоюродной сестре известного писателя и государственного деятеля Михаила Никитича Муравьёва, отца декабристов Никиты и Александра. Михаил Никитич очень любил бывать в Бернове, где отдыхал душой. Его перу принадлежат описания этого имения. В «Эмилиевых письмах» читаем: «В лучшее годовое время приехал я в Берново и наслаждаюсь всеми удовольствиями деревенской жизни. Я нашёл достойного приятеля нашего <И.П. Вульфа>, окружённого своею милою семьёю... Местоположения прекрасны. У нас сад, зверинец, рощи. Я встаю очень рано. Каждый день странствую по полям верхом или пешком, читаю, пишу».

Берново. Вид на круглый пруд

Берново. Вид на реку Тьму и церковь Успения

Лучше всего непринуждённая и располагающая к простым сельским радостям атмосфера имения описана в его стихотворении, датированном 1780 годом, когда писатель проводил отпуск у отца в Твери и часто навещался в Берново:

Итак, опять убежище готово,
Где лениости свободно лъзя дышать,
Под сень свою, спокойное Берново,
Позволишь мне из Твери убежать.

Обращаясь к хозяйке имения, М.Н. Муравьёв пишет:

Ты любишь сень безмолвную Бернова,
И древний дом, и плодоносный сад,
И этот холм, и рощи глыбь сосновой,
И мельницы шумящий водопад.

Описывая быстроводную речку Тьму, автор высказывает поэтическое предположение о происхождении её названия:

Смиренна Тьма. Какой своей прослугой
Название сие приобрела?
Вияся сей прекрасною округой,
Ты льёшь струи прозрачнее стекла.
Иль для того, что кроясь своенравно
В подножия высокия горы,
Меж берегов крутых струишься плавно,
Маня к себе нимф сельских для игры;

Кидая темь, как плещутся пастушки,
В кустарниках скрываешь пастухов.
Узнавши то, завистные старушки
Сказали: «Тьма течёт средь сих берегов».

Стихотворение М.Н. Муравьева написано в традициях конца галантного века. Здесь и почтенный хозяин «со скромною улыбкой на устах», и хозяйка, «госпожа гостеприимна дома», и древние пенаты, «хранители прекрасного села», и пляшущая на траве воображаемая гурия, молодая и прекрасная, и вставшие в хоровод дриады и феи... С этим соседствует описание застолья в большой светлой оранжерее, «где персики румянятся пушисты».

К сожалению, никто кроме А.С. Пушкина и М.Н. Муравьева не воспевал в стихах старинские усадьбы, ставшие местом паломничества только с открытием здесь музея в 1970-х годах.

Архангельское

Роскошная подмосковная усадьба Архангельское в пушкинское время принадлежала знаменитому князю Николаю Борисовичу Юсупову, дипломату и сенатору, коллекционеру произведений искусства и меценату. Дворцово – парковый ансамбль начал формироваться ещё при прежнем владельце – князе Н.А. Голицыне. В 1810 году имение купил Юсупов. Несмотря на разорение французами в 1812 году и несколько пожаров, Архангельское при нём превратилось в роскошную загородную резиденцию, где были размещены богатые художественные коллекции.

Великолепием Архангельского восторгался Александр Воейков, включив строки о нём в собственный перевод книги Ж. Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды», вышедший в 1816 году:

Пример Двора священ вельможам, богачам.
Во всех родилась страсть изящная к садам:
В Архангельском сады, чертоги и аллеи,
Как бы творение могущей некой феи,
За диво бы почли и в Англии самой.

Николай Борисович Юсупов мог знать Пушкина ещё маленьким мальчиком: в 1801–1802 годах родители поэта снимали принадлежавший князю дом в Москве, расположенный в Большом Харитоньевском переулке. Великий поэт был дружен с прославленным вельможей и, возможно, посещал Архангельское много раз. Весной 1827 года он приезжал вместе со своим другом С.А. Соболевским, а в августе 1830 года побывал здесь с П.А. Вяземским. В стихотворении «К вельможе», обращённом к Н.Б. Юсупову, Пушкин воспел красоты Архангельского:

...К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Учёной прихоти твоей повиновались
И, вдохновенные, в волшебстве состязались.
<...>
Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине...

В память о посещениях великого поэта одна из аллей парка в Архангельском названа Пушкинской. Потомки Юсупова в 1903 году установили на ней беломраморный бюст А.С. Пушкина.

Усадьба Архангельское

Петровский парк в Москве

Проезжая по Петербургскому тракту, Пушкин много раз видел знаменитый «подъездной» Петровский дворец, возведённый М.Ф. Казаковым для Екатерины II. Вековые дубы окружали замок, который напоминал древнерусские сторожевые городки. Петровскому дворцу посвящена знаменитая строфа VII главы «Евгения Онегина»:

Вот, окружён своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоённый,
Москвы коленопреклонённой
С ключами старого Кремля;
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приёмный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружён,
Глядел на грозный пламень он.

В мае 1827 году великий поэт побывал на даче своего друга С.А. Соболевского в живописном Петровском парке, превратившемся в одно из мест гуляний москвичей.

Москва.

Вид на Петровский дворец из парка

Петровскому парку и замку в числе других московских достопримечательностей посвятил стихи поэт и критик Михаил Дмитриев. Вслед за Пушкиным он обращается к образу Наполеона во время пожара Москвы в 1812 году:

В этот – то замок бежал второпях из Москвы истребитель,
Ночью, как море огня логовище его охватило!
Тут из окна он глядел, как оно волновалось, кипело,
Жгло и кипело, треща, чтоб и камень очистить подножный,
Где он ступал! – Тут впервые бесстрашного сердце дрожало!

Эти стихи по изяществу и силе воздействия несравнимы с пушкинскими. Михаил Дмитриев был приверженцем классицизма и противником романтического направления. Он считал, что цель поэзии состоит «в облагораживании и возвышении духа идеями и формами изящного», и был литературным противником П.А. Вяземского, А.С. Пушкина и позднее В.Г. Белинского.

«Московские элегии» Дмитриева, написанные его любимым классическим гекзаметром, несколько тяжеловесны, лишены живости, внутренней динамики и оттого скучноваты. Это особенно заметно именно при описании праздничных гуляний:

Это Петровский наш парк и весёлые летние дачи!
Быстро летят вдоль аллей один за другим экипажи;
Скачут отважно верхом, развевая вуалями, дамы;
Музыка в окнах слышна: и звук арфы и голоса пенье!
Видно, здесь летняя жизнь весела и Москва позабыта!
<...>
Весело смотрит на них наш Петровский готический замок!
Круглые башни, витые трубы, остросводные окна,
Белого камня резные столбы, тёмно – красные стены!
В тёмной, густой и широкой зелени сосен старинных
Весел и важен он, дед между вну́чат младых и весёлых!

Нескучный сад и Пресня

Привлекательным местом прогулок был Нескучный сад, раскинувшийся на высоком берегу Москвы – реки. В 1826 году подмосковное имение Л.А. Шаховского Нескучное было приобретено казной для устройства летней резиденции императрицы, и прекрасный сад открыли для публики. Летом 1830 года великий поэт приезжал сюда с семьёй своей невесты Н.Н. Гончаровой и близким другом П.В. Нащокиным на спектакль «воздушного» театра. Театр этот давно уже не действует, но Нескучный сад по –прежнему прекрасен и навеивает лирическое настроение.

М.Н. Загоскин писал: «Много есть садов лучше нашего Нескучного, которое скорее можно назвать рощею, чем садом, но едва ли можно найти во всей Москве и даже её окрестностях такое очаровательное место для прогулки». Александр Воейков не обошёл своим поэтическим вниманием величавые панорамы древней столицы, открывающиеся из сада, и воспел

Нескучное, отколь с чертогами, с церквами
Великая Москва лежит перед глазами
С Кремлём, возвышенным во образе венца;
Пред взорами Москва – и нет Москве конца.

Особую роль в жизни Пушкина в 1827–1829 годах играли Пресненские пруды. Их чудными видами он наслаждался с сёстрами Ушаковыми, жившими неподалеку. В старшую сестру, Екатерину Николаевну, поэт был всерьёз влюблён. Альбом её не сохранился, зато дошли до нас строки, обращённые к младшей сестре, Елизавете Николаевне:

...Авось на память поневоле
Придёт к вам тот, кто вас певал,
В те дни как Пресненское поле
Ещё забор не преграждал.

Тогда Пресню ещё плотно не застроили домами и не перегородили заборами, но прежде заболоченное русло одноимённой речки и оба пруда уже были облагорожены стараниями П.С. Валуева, главного управляющего оружейной палатой, автора редких книг по описанию российских древностей и истории села Коломенского. Одно время пруды даже предлагалось назвать Валуевскими. В не предназначенных для печати сатирических стихах начала XIX века неизвестный автор написал о Валуеве с искренней благодарностью:

Я приду к прудам широким
То к сему, к тому пруду
И с почтением глубоким
Ниц Валуеву паду.
Там мы слушаем каскады,
Здесь лесок к себе манит,
За усталость ног награду
Часто мягкий луг дарит.

Москва. Малый пресненский пруд

Но милей лесков и луга
Женщин – бабочек здесь рой,
Между них любовь – подруга
Поздней тащится порой...

В таких бульварных стишах, весьма тогда популярных и распространявшихся в многочисленных списках, то высмеивались известные в обществе лица, то отпускались весёлые комплименты дамам. Заканчивается сатира весьма игриво:

Но пора к своей постели,
Месяц стал среди воды,
Ах, до будущей недели
Адью, милые пруды.

Авторами подобных сочинений московская молва называла генерал – майора Алексея Даниловича Копьёва, сочинителя популярных во времена Екатерины II комедий, и офицера Преображенского полка Сергея Никифоровича Марина, написавшего пародии, шуточные оды, «Преображенский марш» и другие произведения. Марин известен также своим участием в издании первого русского театрального журнала «Драматический вестник» и в постановках домашнего театра Олениных в Приютино. Кому из острословов принадлежат стихи о Пресненских прудах, точно сказать нельзя.

С этими лёгкими творениями контрастирует задумчивое стихотворение Михаила Дмитриева «Пресненские пруды»:

Только что на мост взойдёшь, лишь минуешь зелёные липы,
Справа и слева пруды, как волшебством, откроются взору.
<...>

Длинные ветви висят шелковистой густой бахромою;
Тень, тишина и прохлада воды, и прекрасные виды;
Редко кто мимо пройдёт; размысленно простор и свобода:
Зелень, лазурь, серебро, а вдали золотятся на солнце
Церкви, дома, колокольни, сады, сокращённые далью.
В день лишь гулянья сюда многолюдный собирается город:
Шляпки всех мод и цветов по прибрежным теснятся дорожкам;
Хор музыкантов гремит, и лодка плывёт расписная...

Весёлые бульварные стихи и элегия Дмитриева, романтическая по содержанию, несмотря на нелюбовь автора к романтизму, передают два разных взгляда на Пресненские гулянья и сохраняют для нас атмосферу Пресни XIX века.

Ныне Пресненские пруды, отданные Московскому зоопарку, стали пристанищем для лебедей, уток, гусей, фламинго и пеликанов. Своей прелести они от этого не потеряли.

Остафьево

Подмосковное имение князей Вяземских Остафьево было превращено в музей гораздо раньше: в 1899 году его владельцы – граф Сергей Дмитриевич Шереметев, известный историк и писатель, и его жена Екатерина Павловна, урождённая княжна Вяземская, открыли своё имение для широкой публики и торжественно отпраздновали столетие со дня рождения великого поэта.

Остафьево. Дворец Вяземских

Пушкин трижды заезжал в Остафьево, принадлежавшее его другу Петру Андреевичу Вяземскому. Это уникальное имение хранит память о славных деяниях трёх поколений семьи Вяземских; об исторических трудах Н.М. Карамзина, который с 1804 по 1815 год проводил здесь летние месяцы со своей женой Екатериной Андреевной, сводной сестрой П.А. Вяземского. Посещали Остафьево В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А. Мицкевич, Е.А. Баратынский, И.И. Дмитриев и многие другие литераторы пушкинской поры и более позднего времени. Красивый регулярный сад, круглый луг перед дворцом, украшенным фронтоном с коринфскими колоннами, стройные колоннады, ведущие к двум флигелям, белая Троицкая церковь – всё это отражается в спокойных водах большого пруда, расположенного по руслу реки Любучи. Места эти благоприятствовали творческому общению и отдыху. В 1902 году посетитель музея Величко оставил в книге записей любительские стихи:

Здесь многосложный мир стремлений, красок, дум —
Самим собою полн. Презрев докучный шум,
Портреты, образа и рукописей груды,
И с тысячами книг высокие шкапы, —
И знание строгое, и барские причуды
Здесь гордо в тишину укрылись от толпы...
Дверь приотворена, объята полутьмой
Аллея старых лип. Мелькают силуэты...
Жуковский, Вяземский... Сам Пушкин! Боже мой!..

Впервые Пушкин посетил Остафьево в июне 1830 года, по – видимому, в связи с предстоящей женитьбой на Наталье Николаевне Гончаровой. Поэт просил княгиню Веру Фёдоровну Вяземскую, своего давнего друга, быть посажённой матерью на предстоящей свадьбе. Княгиня ездила к матери невесты, чтобы уговорить её ускорить венчание.

В декабре 1830 года, приехав из Болдина в Москву, поэт посетил Остафьево. «День, проведённый у меня Пушкиным, был для меня праздничным днём», – писал тогда П.А. Вяземский. Не прошло и месяца, как Пушкин вновь появился здесь. 4 января 1831 года он отдыхал в дружеском кругу и вечером веселился на импровизированном балу.

Великий поэт не оставил строк, специально посвящённых Остафьеву. Проникновенные стихи о своём имении сочинял П.А. Вяземский. В 1818 году в Варшаве он дописал начатое в Остафьеве стихотворение «Первый снег», рисующее чарующие картины зимнего сада:

Здесь снег, как лёгкий пух, повис на ели гибкой;
Там, тёмный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на фоне голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдыстыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах...

Особенно красивые строки, проникнутые ностальгией о лучших годах молодости и зрелости, об ушедших из жизни друзьях и родных, Вяземский посвятил Остафьеву в 1850–е годы, когда несколько раз посещал своё родовое гнездо, гулял по саду, по роще, вдоль пруда и писал стихи:

Задумчиво брожу, предавшись весь мечтам,
Вдоль блещущих столбов прозрачной колоннады,
И зыбко тень моя ложится по плитам —
И с нею прошлых лет и милых поколений
Из глубины ночной выглядывают тени.
Я вопрошаю их, прислушиваюсь к ним —
И в сердце отзыв есть приветом им родным.

27 октября 1857 года в Остафьеве П.А. Вяземский сочинил большое стихотворение, посвящённое милой его сердцу усадьбе, в котором есть такие строки:

Здесь с каждым деревом сроднился, сросся я,
На что ни посмотрю – всё было, всё жизнь моя.

Остафьевские ландшафты в этих стихах особенно прекрасны:

Всё те же мирные и свежие картины:
Деревья разрослись вдоль прудовой плотины,
Пред домом круглый луг, за домом тёмный сад,
Там роща, там овраг с ручьём, курганов ряд —
Немая летопись о безымянной битве;
Белеет над прудом пристанище молитве,

Дом Божий, всем скорбям гостеприимный дом.
Там привлекают взор, далече и кругом,
В прозрачной синеве просторной панорамы,
Широкие поля, селенья, Божьи храмы,
Леса, как тёмный пар, поёмные луга
И миловидные родные берега
Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
Скользящей вдоль лугов струёй своей ленивой...

Перед мысленным взором поэта «за милым образом мелькает образ милый». Наверное, вспоминал он и Пушкина, который в декабре 1830 года увлечённо читал ему здесь чудесные произведения, созданные знаменитой болдинской осенью.

Этому событию посвящены строки правнука П.А. Вяземского Павла Сергеевича Шереметева, который в 1920–е годы сочинял две поэмы, повествующие о жизни князей Вяземских, и в частности своего деда Павла Петровича Вяземского, основательно пополнившего Остафьевские коллекции и архивы. К сожалению, эти поэмы так и не были окончены и остались в черновиках. Вот как описал П.С. Шереметев достопамятный визит Пушкина в Остафьево и чтение им болдинских произведений, в числе которых было стихотворение «Моя родословная», где великий поэт называл себя «мещанином» в пику новоявленной знати:

Зима, холера, год тридцатый,
Деревню снегом занесло;
Халат на байке полосатый
Привёз в Остафьево своё,
Сюда князь Пётр уединившись,
С семьёй на зиму целую зарывшись.
И вот, минуя карантин,
Примчался Пушкин «мещанин».
И в час вечерней чашки чая,
Скользя, как будто на коньках,
Паркета гладкого досках,
О руку руку потирая,
Свою поэму прочитал,
Как дед блином не торговал.

Болдино

Болдинская усадьба, более трёх веков принадлежавшая роду Пушкиных, кажется, буквально насквозь проникнута созданными здесь пушкинскими стихами. На месте возведённой в 1999 году деревянной часовни Михаила Архангела в пушкинское время было старинное кладбище с маленькой часовенкой и пепелище от сгоревшего храма. Может быть, этим пейзажем навеяны крылатые строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Большое Болдино. Барский дом

У живописных прудов, на водную гладь которых осенним пасмурным днём падают влажные желтые листья, вспоминаются строки из «Путешествия Онегина»:

Иные нѹжны мне картины:
Люблю песчаный косягор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...

Сквозь золотистые ветки деревьев виден скромный деревянный барский дом с мезонином, тот самый, где жил великий поэт благословенной болдинской осенью 1830 года и где останавливался в 1833 году. В первом же зале словно оживает стихотворение «Моя родослов-

ная»: стену украшают портреты предков поэта, среди которых изображение Ивана Абрамовича Ганнибала,

Пред кем средь Чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

Из окон кабинета открывается вид на осенний сад, церковь Успения, построенную попечением деда поэта Льва Александровича Пушкина, на площадь перед нею. Похоже, таким грустноватым пейзажем навеяно стихотворение «Румяный критик мой...»:

...На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он. Несёт под мышкой гроб ребёнка
И кличет издали ленивого попёнка...

Старинные часы с боем в кабинете рожают ассоциацию с ночной бессонницей, мучившей временами поэта:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздаётся близ меня...

Пушкинские автографы, разложенные на ломберных столиках, за которыми писал поэт, оплавленные свечи, старинная лампа, полка с книгами, античный бюст – вся обстановка кабинета словно пропитана строками из стихотворения «Осень», сочинённого в Болдине в 1833 году:

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.

Осенний болдинский сад и золотистая роща Лучинник с журчащим там студёным родником – будто живая иллюстрация к пушкинским строкам:

Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...

Во многих произведениях, созданных в Болдине, так или иначе отразились здешние впечатления поэта. Это и колоритные сцены крестьянского и дворянского быта, особенно яркие в «Сказке о попе и его работнике Балде» и в «Повестях Белкина». Это и названия деревень Покровское и Кистенёвка в повести «Дубровский», так и не оконченной, может быть, потому что перед глазами Пушкина был отталкивающий пример бесчинствующего помещика из соседнего имения Черновское Валериана Гавриловича Ермолова, которого последний владелец Болдина Лев Анатольевич Пушкин считал прототипом Владимира Дубровского.

Село Большое Болдино в XIX – начале XX века находилось в стороне от магистральных дорог. В такую глушь непросто было добраться, поэтому никто из поэтов, кроме Пушкина, не воспевал тогда своеобразной красоты этих мест. В 1911 году Лев Анатольевич Пушкин продал своё имение государству, в 1918 году местные крестьяне на сходе приняли решение о сохранении пушкинской усадьбы, в 1929 году болдинский парк был объявлен заповедным, а первый музей распахнул свои двери в 1949 году, когда праздновался 150-летний юбилей великого поэта. Болдино стало центром притяжения почитателей пушкинской поэзии, а пребывание здесь Пушкина и чудесные пейзажи, освящённые его именем, стали источником вдохновения для современных поэтов.

Немного отодвинув временную границу антологии, обратимся к стихам, которые были написаны в 1930-е годы. Одно из них, «Осень в Болдине», принадлежит перу известной поэтессы Маргариты Алигер, которая описывает местные ландшафты весьма условно. Автор и не ставит себе цели воспеть болдинские виды: для неё главное – чувства и настроения Пушкина. Особенно в её стихах пленяют строки о рождении пушкинских стихов:

...И вдруг почувствовать: пора,
Чтоб тень гусяного пера
Плыла, как парус, по бумаге.
Чтобы широкий сизый дым
Висел распластанною птицей.
Чтобы желанием одним
Горя, исписывать страницы.
Чтобы на несколько минут
Взглянуть, вздохнуть, увидеть вещи.
Подумать: это перечтут
Людские толпы. Как поймут?
Иль освистав, иль рукоплеща.
Шаги услышать у дверей —
И няня с чашкой у порога,
Чтоб сразу стало веселей,
Теплей от сладкого ожога.

Появление заботливой няни кажется вполне естественным, но Арина Родионовна, к сожалению, умерла за два года до первого приезда Пушкина в Болдино. Маргарита Алигер невольно перенесла сюда события из Михайловского.

Нижегородская поэтесса Мария Петровых в своём стихотворении «Болдинская осень», датированном 1930 годом, живо представляет образ великого поэта, бродящего по окрестностям села:

Что может быть грустней и проще
Обобранной ветрами рощи,
Исхлёстных дождём осин...
Ты оставался здесь один
И слушал стонущие скрипы
Помешанной столетней липы.

Поэтесса представляет, как в воображении Пушкина возникают силуэты его героев:

Дорогой наизусть одной
Ты возвращаешься домой.
Поля пустынь и туманны,
И воздух, как дыханье Анны, —
Но вспыхнул ветер сквозь туман —
Бессмертно дерзкий Дон Жуан.

Среди очень немногих произведений, посвящённых в те далекие годы Болдину, особым лирическим настроением выделяются стихи нижегородского поэта Бориса Корнилова:

Эта осень радости виною.
Сыплет изморось.
Темнеет в пять.
За стихами и за тишиною
Заходите в Болдино опять...

Поэт прозорливо обращается к Пушкину:

Через сотню лет
И через двести
(Грандиозные годов ряды)
Все поэты соберутся вместе,
Вашими поэмами горды.

Ныне пушкинские усадьбы и парки стали местом проведения праздников, где собираются современные поэты и читают свои стихи, посвящённые великому Пушкину и чудесным краям, которые питали его непревзойдённую музу.

Библиография

- 1 Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное воспроизведение. – СПб.: Logos, 1999.
- 2 Анненский И.Ф. Избранные произведения. – Л.: Художественная литература, 1988.
- 3 Белоногова В.Ю. «Дубровский» из Черновского // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст. Вып. 3. – Арзамас: АГПИ, 2001. С. 30–33.
- 4 Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). – М.: Советский писатель, 1967.
- 5 Болдинское братство. Стихи российских поэтов – гостей Пушкинского праздника. – Нижний Новгород: Бегемот, 1999.
6. Венок Пушкину. Из поэзии первой русской эмиграции. – М., 1994.
- 7 Венок Пушкину. Литераторы Москвы к юбилею поэта // Составитель Р.В. Иванов. – М.: Московские учебники, 1999.
- 8 Виноградов А.И. Пушкины, Голицыны – родственные связи // Род Голицыных в истории отечества. Материалы I Голицынских чтений 26 марта 1994 г. – Большие Вязёмы: ГИЛМЗ, 1995. С. 98–102.
- 9 Волович Н.М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. – М.: Московский рабочий, 1979.
- 10 Вяземский П.А. Стихотворения. – Ленинград: Советский писатель, 1986.
- 11 Гнедич Т.Г. Этюды. Сонеты. – Л.: Лениздат, 1977.
- 12 Голлербах Э.Ф. Город муз. – СПб.: Арт – Люкс, 1993.
- 13 Голлербах Э.Ф. Царское Село в поэзии: Антология. – СПб: Парфенон, 1922.
14. Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. – Л.: Лениздат, 1989.
- 15 Город Пушкин. Историко – краеведческий очерк – путеводитель. – СПб.: Лениздат, 1992.
- 16 Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. – Нижний Новгород: Нижний Новгород, 1994. С. 279–291.
- 17 Дворянских гнёзд заветные аллеи. Усадьба в русской поэзии. – М.: Книга, 1994.
- 18 Делиль Ж. Сады, или Искусство украшать сельские виды // Перевод Александра Воейкова. – СПб.: Медицинская типография, 1816. С. 16–19.
- 19 Егорова Е.Н. Пушкинские усадьбы и парки в стихах русских поэтов конца XVIII – начала XX века // Очарование пушкинских мест. – М.: Столичный бизнес, 2003. С. 24–63.
- 20 Ермоленко Г.Н. Традиции сказок Лафонтена в литературе XVIII – начала XIX века: от Вольтера до Байрона и Пушкина // Творчество Жана де Лафонтена и мировой литературный процесс. Материалы международной конференции. – СПб., 1996. С. 42–46.
- 21 Жуковский В.А. Чудесный дар богов: Стихотворения, баллады. – М.: Летопись, 1998.
- 22 Заветное преданье поколений: Москва в русской поэзии. – М.: Летопись, 1997.
23. Квятковская Н.К. Остафьево. – М.: Советская Россия, 1990.
- 24 Кибальник С.А. Антологические эпиграммы Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы, – Л.: Наука, 1986. Т. XII. С. 152–174.
- 25 Кок Г. Стихотворение Пушкина «Художнику» // Временник Пушкинской комиссии, 1970 г. – М.—Л.: Наука, 1972.
- 26 Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. – М.: Цитадель, 1997.
- 27 Литературное Подмосковье. – М.: Роскультпросветиздат, 1950.
- 28 «Моё Захарово». Захаровский контекст в творчестве А.С. Пушкина: Сборник статей. – М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999.
- 29 Москва в родной поэзии. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1880.

- 30 Муравьёв М.Н. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1987.
- 31 Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. – СПб.: Академический проект, 1999.
- 32 Памяти А.С. Пушкина. Сборник стихотворений / Составитель А.В. Колчин. – СПб.: Издательство книгопродавца И.И. Иванова, 1900.
- 33 Панфилов Д.Г. За кого А.С. Пушкин «выдал» замуж свою Татьяну? // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы VI Голицынских чтений 23–24 января 1999 г. – Большие Вязёмы: ГИЛМЗ, 1997. С. 59–66.
- 34 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.—Л.: Издательство АН СССР, 1949.
35. Пушкинское кольцо Верхневолжья. – Тверь: Буквица, 1998.
- 36 Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. – СПб.: Паритет, 2005.
- 37 Русские поэты о Пушкине. Юбилейный сборник стихотворений / Составлен М.Н. Араловой. – СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1899.
- 38 Русский сонет XVIII – начала XX века. – М.: Московский рабочий, 1986.
- 39 Селиванова В.В. Голицыны в Звенигороде // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: Материалы III Голицынских чтений 20–21 января 1996 г. – Большие Вязёмы: ГИЛМЗ, 1997. С. 34–47.
- 40 Скакун А.А. Пушкин как читатель, критик и интерпретатор произведений Лафонтена // Университетский пушкинский сборник. – М.: Издательство Московского университета, 1999. С. 375–381.
- 41 Смирнова Т.Н. Павел Петрович Вяземский – владелец Остафьева в 1860–1880-х годах // Остафьевский сборник. Вып. 7. – Остафьево, 2001. С. 53–76.
- 42 Смольников И. «И с каждой осенью я расцветаю вновь...». – СПб.: Сударыня, 1998.
- 43 Соловей Н.Я. «Моё Захарово» и Большие Вязёмы в творчестве Пушкина // Род Голицыных в истории отечества. Материалы I Голицынских чтений 26 марта 1994 г. – Большие Вязёмы: ГИЛМЗ, 1995. С. 116–122.
- 44 Соловей Н.Я. Мотивы «Захаровского» детства Пушкина в «Евгении Онегине». // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы II Голицынских чтений 21–22 января 1995 г. – Большие Вязёмы: ГИЛМЗ, 1996. С. 77–89.
- 45 Сонет серебряного века. – М.: Правда, 1990.
- 46 Сочинения Муравьёва. – СПб.: Издание А. Смирдина (сына), 1856.
- 47 Творения Николая Петровича Николева. Ч. 4. – М., 1797. С. 270–280.
- 48 Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. – Л.: Лениздат, 1983.
- 49 Томашевский Б.В. Пушкин и Лафонтен // Пушкин и Франция. – Л., 1960.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.